

ЕВГЕНИЯ
БАСОВА

МАРИЯ
БОТЕВА

ИЗБРАННОЕ

КомпасГид
издательский дом

Я здесь живу

сборник
повестей

Мария Ботева

Я здесь живу

ИД "КомпасГид"

2014, 2017

УДК 821.161.1-3-93
ББК 84(2=411.2)6-44

Ботева М. А.

Я здесь живу / М. А. Ботева — ИД "КомпасГид", 2014, 2017

ISBN 978-5-00083-830-3

Когда человек уже не ребенок, но еще не взрослый, его одолевает ворох мыслей. Ведь подростки ищут себя и близких по духу друзей, ссорятся и мирятся с родителями, спорят с учителями и переживают первую любовь. Два автора, чьи произведения вошли в эту книгу, удивительно тонко подхватили это ощущение «перепутья», взгляда в будущее. Они рассказывают о жизни подростков в городе и деревне, в благополучных и не очень семьях. Их герои не становятся супергероями и не переживают какие-то потрясающие приключения — они просто живут. Здесь и сейчас. Пять историй, вошедших в сборник, объединяет тема взросления. Именно поэтому читатель без труда узнает в них себя и свои переживания. И, возможно, найдет ответы на волнующие его вопросы: зачем искать общие интересы со сверстниками, можно ли сохранять доверительные отношения с родителями и почему отстаивать свою позицию в среде одноклассников иногда легче, чем кажется... «КомпасГид. Избранное» — серия переизданий наших лучших текстов. Евгения Басова пишет прозу, преимущественно для подростков. Известна также под псевдонимом Илга Понорницкая. Лауреат «Книгуру» и конкурса им. К. Чуковского, а также финалист премии им. В. Крапивина. Мария Ботева — журналист и драматург. Финалист и лауреат литературных конкурсов. Ее произведения дважды были включены Мюнхенской детской библиотекой в список выдающихся современных книг «Белые вороны».

УДК 821.161.1-3-93
ББК 84(2=411.2)6-44

ISBN 978-5-00083-830-3

© Ботева М. А., 2014, 2017

© ИД "КомпасГид", 2014, 2017

Содержание

Евгения Басова	7
1. Разгильдяи	8
2. Не повезло	12
3. Макар из Липовки	15
4. Та площадь, где народа много	17
5. Знакомый космонавт	19
6. Очкарики	21
7. Дед-бездельник и Грандсон	23
8. Кто никогда не спал на сеновале...	26
9. Всё не так	29
10. Скуотища	34
11. Катенька	37
12. Нежная Луна	40
13. Умный Лёнчик	41
14. Утро мудренее	43
15. Кто чей крестник	45
16. Счастье	48
17. Ёжик солёный	49
18. Недоразумение	52
19. Всё видно-слышно	55
20. Катя виновата	57
21. Звезда Енот	59
22. Рисунки в небе	61
23. Обида	62
24. Кто такой нерд?	64
25. Любовь	67
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Евгения Басова, Мария Ботева

Я здесь живу

Иллюстрации и рисунок на обложке: Алёна Зайцева (Sweetpirat)

© Басова Е. В., текст, 2014

© Ботева М. А., текст, 2017

© Оформление. ООО «Издательский дом «КомпасГид», 2022

* * *

Евгения Басова
Открытые окна

*Открытые
окна*

ЕВГЕНИЯ БАСОВА

1. Разгильдяи

За ужином мама говорит Косте:

– Вижу, тебя в компьютер затянуло по самые ботинки. И папа тоже заметил, между прочим...

Папа молчит, тефтельку жуёт. Но ясно – он с мамой согласен. И оба на меня смотрят, ждут, чтобы я тоже согласилась. Тогда нас уже трое будет, кто всё замечает.

Я спрашиваю:

– Как это – по ботинки?

А мама, с досадой:

– Не слышала, что ли, никогда, как говорят – что затянуло кого-нибудь с ботинками?

И снова к Косте – допытываться:

– Давай-ка разберём твой день, весь по часам, – чем ты сегодня занимался? Во сколько уроки закончились?

Хочет, чтоб он ответил: «Ну, в час...»

Или там – «В два».

И она тогда сможет сказать: «Вот видишь, сколько времени ты зря потратил!»

Но время-то от этого не вернётся с семи часов к двум, обратно!

Да и ей самой, может, назад в два часа дня от нас не хочется.

Сколько я слышала от мамы, что лучшее время – это вечер. К вечеру мы наконец-то собираемся, все четверо. И никуда не надо торопиться. Мы можем обсуждать свои дела, беседовать о том, что всем нам интересно...

Я думаю: вот это, что ли, интересно?

Костя так и будет молчать. И тогда мама у меня спросит:

– Лена, так во сколько вы из школы пришли?

И я отвечу:

– Да не помню...

Ведь правда, правда, я не смотрю на часы, когда вхожу!

Я сразу ставлю обед разогревать. И пока суп греется – танцую. В гимнастику меня не взяли из-за глаз, и дома я делаю мостик или на голове стою возле стены.

И вижу Костины ноги – вовсе не в ботинках: он как приходит, сразу в тапки переобувается. Он ходит по комнате задумчиво, я вижу, как на пол крошки падают, – это он булочку жуёт.

Но вот ноги исчезают из моего поля зрения. А значит, он уже возле компьютера стоит. И наконец я слышу всегдашнее:

– Лен, это... Я долго не буду. Так только – от школы отдохну...

Я с головы на ноги встаю, очки беру, чтобы его лицо увидеть. Спрашиваю, как мама:

– А не затянет тебя?

Но он уже сам себе разрешил играть – не дожидаясь, пока я разрешу. А значит, надо с него глаз не спускать. Чуть только его затягивать начнёт – я его сразу в бок:

– Хочешь, чтоб вечером снова – про ботинки?

Сейчас так и скажу! Ну ладно, пусть ещё немного поиграет, ещё можно... Как раз у него такой момент... Он только на одного монстра отвлёкся, на зелёного, – а сзади фиолетовый щупальце поднял...

Я кричу:

– Сзади, сзади!

А он:

– Ленка, не лезь ты, нельзя вдвоём!

С теми, кто по сети за этих монстров играет, – можно, значит, а со мной нельзя?

Костя шипит:

– Снова из-за тебя продую. Лучше иди чайник поставь!

А что, чай – это нормальная еда, что ли? Я вспоминаю про суп, бегу на кухню – и верно, он чуть не выкипел. То, что осталось, я разливаю по тарелкам. Хлеб режу, тороплюсь. И Косте кричу:

– Готово!

Хотя он сам не придёт. Ему надо в самое ухо закричать:

– Обедать! – тогда он, может, оторвётся от игры. Если ещё не поздно отрывать его.

А сейчас уже всё, поздно! Затянуло его, прижало к монитору. Теперь он сидит сгорбившись, плечи вперёд, будто и впрямь хочет вовнутрь залезть. Весь затаился... И только рука с мышкой мечется по столу!

А ноги, кажется, живут сами по себе. Он ими отталкивается, подпрыгивает на стуле: быстрее, быстрее! Ах, значит, так – засада? Надо сгруппироваться, чтобы потом как прыгнуть!

Он группируется на стуле, а потом резко распрямляется. Стул крикает под ним. Булочка, надкушенная и позабытая, падает на ковёр. А Костя уже сидя бежит, пинает кого-то невидимого. Тапочки слетают с него – он не замечает...

Если сейчас позвать его: «Эй, Костя!» – он огрызнётся:

– Уйди, сказал!

А то и стукнет.

Мама приходит вечером, он поднимает на неё глаза – когда ты, мол, появилась? И нехотя снимает наушники.

Впрочем, иногда он без наушников играет. Они рядом на столе валяются. И всё равно – кричи ему, не кричи...

Особенно одну игру он полюбил.

Там каждый себе выбирает человечка. Они только цветом различаются, а так все одинаковые. Квадратные и с головами в виде тазиков.

На тазике глазищи – ими ты вращаешь, чтобы засаду не проглядеть. Ножки у всех тонюсенькие, – но прыгают те человечки без разбега, из одного угла монитора в другой.

И уж дубасят они друг друга по тазообразным головам... Грохот стоит, как будто вокруг тебя и впрямь в медные тазы колотят.

А пока один из них другого не поймает, сплошной такой звук идёт: «Ммммммм!» Или ещё есть: «Миу-миу-миу!» У всех нас от этого звука уши болят. Одному Косте нравится.

Он хвастается вечером:

– Ну, я сегодня отделал Ретта! Всё, Ретт – покойник!

Я пугаюсь: с ума он сошёл, что ли, – маме докладывать об этом? Хотя мама сколько раз нам говорила: в семье каждый может поделиться своими переживаниями или своей радостью...

Но только попробуйте сказать: «Мама, у меня за контрольную трояк. Знаешь, я так переживаю!» Увидите, что будет.

И Косте с его радостью сейчас влетит.

Но нет. Мама теряется. Она только вздыхает и спрашивает:

– Ретт-то тебе что сделал?

А Костя ей:

– Знаешь, как он огрел меня дубиной по мозгам!

Ретта Костя никогда не видел – он живёт в Австралии. Можно сказать, на другой стороне Земли. Когда у нас день, у Ретта ночь.

Мама говорит:

– Ну, я понимаю, ты: днём время тратишь, вместо того чтобы уроки делать, на улице гулять. А эти бездельники по ночам не спят – и Ретт, и этот второй, как его...

Я подсказываю:

– Хью, что ли?

С этим Хью Костя разговаривает больше, чем со мной. В чате, но какая разница. Можно подумать, что его сестра – это Хью. То есть брат – Хью.

И мама сразу подхватывает:

– Да, этот самый Хью!

Хотя у Хью время не сильно отличается от нашего.

На игровых сайтах Костя познакомился с массой народа. Это мальчишки в основном. Из Пензы, Питера, из Красноярска, Владивостока... И ещё из разных городов.

Мама интересуется:

– А из наших мест есть кто-нибудь?

И Костя ей сразу двоих находит.

– Вот, – говорит, – смотри, мам! А тебе зачем?

И правда – зачем? У Кости своя компания. Чаще всего с ним играет Хью, англичанин, и этот самый Ретт из Австралии. Или ещё Ли Джин, китаец.

Ещё у них Миша есть, он раньше в России жил, а теперь тоже в Англии, с родителями. В Лондоне, как и Хью. Костя спросил, не виделись ли они там, и оказалось, они только в игре встречаются. Хотя могли бы, если б захотели, встретиться и поболтать.

Бывает, что они попарно играют, двое на двое. И если кому-то пары не хватает, тот обижается – остался не у дел. Миша как-то написал Косте, что с ним играть больше не будет, – это когда они вместе продули Хью и Ли Джину. Что Костя – это просто какой-то рэм.

Миша не упускает случая похвастать, как он английский выучил. «Знаешь, – спрашивает у Кости, – кто такой рэм?»

Костя посмотрел в словаре, а «рэм» – это баран.

В следующий раз он играл в паре с Реттом – и снова они продули, теперь Ли Джину и Мише. И он тогда Ретта с расстройства рэмом обозвал.

А тот пишет ему: «У тебя смешная ошибка. Моё имя – Ретт. А рэм – это очень полезное и красивое животное. – И дальше: – П.С. Я держу порядка трёх тысяч овец и баранов».

Костя позвал меня, и мы вместе стали искать, как задать вопрос: «Выходит, твои родители – пастухи?»

Но он вроде и не понял, о чём его спросили.

Мама удивляется:

– Ты, Костя, казалось бы, английский мог бы знать в совершенстве! С такими-то друзьями...

Английский у Кости не идёт. Как был с самого начала трояк, так и сейчас трояк.

Костя говорит:

– Мам, почему тебе так важны оценки? Язык учат зачем? Чтобы друг друга понимать...

А мы же с ребятами друг друга понимаем!

Мама теряет – и в самом деле, зачем ещё язык учат? А Костя – дальше ей зубы заговаривать:

– Главное, – говорит, – у меня теперь есть друзья, просто мировые...

Мама вздыхает:

– И точно – мировые! Со всего мира подобрались разгильдяи... С мамами бы их поговорить. Неужто не волнует их, чем дети занимаются вместо учёбы...

Не знаю, как там мамы Хью, Ретта, Миши и Ли Джина, а наша мама то шнур от компьютера спрячет среди курток, то требует, чтоб папа снова поменял пароль.

Однажды нам задали ролик в интернете посмотреть, про Африку. Я привела Катю и Наташу. Думала, вместе посмотрим, а потом они сядут делать описание и на вопросы отвечать, а я тем временем в игру сыграю. Хотя бы попробую. Костя пускай думает, что это мы уроки учим – за компьютером. С девчонками-то он болтать не любит. Пока они у нас, он в кухне будет сидеть, тихонько...

Но папа, оказывается, всё испортил! И ничего мне не сказал. Катя с Наташей теперь будут в классе рассказывать, как я пароли подбирала – так и эдак, а всё равно не так. И как разревелась потом.

Вечером папе говорю:

– Почему я должна перед людьми позориться? Это же Костю затащило – не меня!

Папа смутился, написал пароль мне на листочке.

– Спрячь только, – говорит.

Да только от Кости разве что-то скроешь?

И не всегда я пароли выдаю. Тот, что сейчас, Косте подсказала мама.

Папа ей говорит:

– Ты представляешь, прихожу с работы, а он уже там, внутри.

И нам сразу понятно, где Костя. Папа удивляется:

– Не понимаю, как он в этот раз-то пароль узнал...

Мама тушует, и папе становится понятно.

Он сердится:

– В воспитании что важнее всего? Последовательность! Сказали нельзя – значит, нельзя.

А мама только руками разводит.

– Жалко мне его стало. Договорились они встретиться в сети. Гляжу – он места себе не находит, его ведь ждут.

Папа ей отвечает:

– Ну, желей, желей! Дождёшься – у него голова станет, как медный таз. Они вон как дубинками лупят друг друга по мозгам.

Когда родители спорят, всё становится каким-то ненастоящим. Им положено на нас с Костей вместе насаждать. А они выясняют между собой, кто там последовательно себя ведёт, кто нет, кто больше виноват, что Костю затащило...

Папа говорит:

– Мне всё некогда. А ты бы узнала – ведь можно как-то заблокировать именно тот сайт? Ну, где он с этими Реттами встречается...

А мама:

– Мне, что ли, есть когда? Я, между прочим, тоже занята, как ты!

Намекает, что стала, как и папа, начальником отдела. С прошлой пятницы.

Я вижу: папе не нравится, как она это говорит.

И мама пугается: чувствует, до чего же ему это не нравится. Спрашивает уже примирительно:

– Как – совсем, что ли, заблокировать? Должны же быть у него друзья...

Папа горячится:

– Какие там друзья? Он их даже не видел! Пусть с одноклассниками больше дружит!

И запинается. Чувствует – что-то не то сказал.

2. Не повезло

Это у меня – класс как класс. С кем-то я дружу, с кем-то не очень. Но у нас не бывает так, чтобы все ополчилось против кого-то одного.

А у Кости, как выпадет свободная минутка, несколько мальчишек только и знают, что донимают Лёшку Юрова. Длинного и Тощего. Прозвища у него такие, сразу два.

Чем этот Юров отличается от остальных, я не пойму. Тощий – ну ладно, пусть. Но другие упитаннее, что ли?

А насчёт роста и вообще неясно... В классе у Кости есть уж какие длинные ребята, но их же никто не дразнит. А Юров им до плеча.

Костя говорит – когда-то Юров самым высоким был. Тогда к нему это «Длинный» и прилипло. Он жутко стеснялся своего роста, сутулился. А всем только и надо было, чтоб его смутить. Только и слышно было: «Лёшка длинный!»

После, со временем, его полкласса в росте обогнало. Но и теперь ему нет-нет да и бросит кто-нибудь: «Эй, Длинный!» И он тогда весь напряжётся.

А если ещё выкрикнуть несколько раз, быстро: «Длинный-Тощий! Длинный-Тощий!» – то он побелеет и уже готов кинуться на тебя.

Но его не боятся, потому что дразнят не в одиночку, а сразу компанией, и Лёша не знает, на кого сперва кидаться. Так и скачет в середине круга, кричит, чтоб отцепились от него.

На переменах учителя, конечно, разгоняют мальчишек и замечания пишут в дневники. Так Лёшу потом у школы полкласса ждёт.

Костя рассказывал – на последнем уроке по классу шёпот ползёт: «Расплата, расплата... Отмщение, отмщение Тощему!»

И Лёша-Тощий сидит ни живой ни мёртвый.

Бить его после уроков не бьют, а так – окружают и снова дразнятся. Не только Длинным-Тощим, а ещё всякими словами. А он там в кругу аж рычит, так хочется ему наподдать кому-нибудь.

Лёшина мама на собрании жаловалась, что Лёшу обижают. И даже плакала. А наша мама, как пришла домой, Косте устроила допрос.

– Ты в этих развлечениях участвуешь?

Костя даже отшатнулся от неё:

– Мам, ну ты что?

И в самом деле, вечно мама скажет что-нибудь... Ну, то, что Костю в монитор затянуло, – это ещё ладно. А чтобы он стал кого-то доводить до нервной тряски, за компанию...

После того разговора на следующий день Костя пришёл с синяком на скуле и очки у него были сломаны.

Костя-то всегда сторонился одноклассников. Жил сам по себе. Учительница говорила, что в классе его не видно и не слышно.

Но после того как мама заподозрила, что и он дразнит Лёшу Юрова, он решил за Юрова вступить.

У меня в тот день раньше уроки закончились, и я домой убежала. Это после я стала дожидаться Костю, чтобы вместе идти.

В тот раз он вышел один. И видит: Юрова замкнули в круг и из середины уже несётся привычное, тягучее:

– Убью! Всех убью!

И столько ненависти было в Лёшкином голосе, как будто на него и впрямь напали враги, с которыми иначе не справиться – как только всех поубивать.

Но его никто не боялся. Ответом был громкий хохот.

В этот момент Костя стал протискиваться в середину, распахивая одноклассников, бросая направо и налево:

– Что, весело? Тебя бы довести, чтобы ты весь колотился!

Одноклассники не поняли сперва, что Косте нужно. Думали, что просто поглядеть, как Юров разбушевался.

А Костя схватил Юрова за локоть, потянул. Юров тоже не понял ничего, с силой отпихнул Костю. Костя отлетел на одноклассников. Но тут же снова схватил Юрова сзади за бока и стал проталкивать перед собой через толпу:

– Ну, хватит... Устроил всем концерт... В школу зайди, умойся – и домой...

Тут все опомнились. Они ведь не собирались ещё Юрова отпускать. Они только начали свою игру. Над Юровым только смеются, пальцем его никто не тронул. Что его бить – он и так с ходу заводится.

А Костику в тот раз досталось, чтоб не вмешивался.

Правда, Юрова потом до каникул обходили стороной. И уж как он был благодарен Косте, хвостом за ним ходил...

Думаете, они стали с этого дня лучшими друзьями?

Да ничего подобного!

Косте с Юровым оказалось неинтересно.

Тот всё восхищался, какой Костя храбрый да какой сильный. И мускулы у него!

Это у Кости, который и нормы-то на физкультуре не сдаёт, из-за того что видит плохо.

У него освобождение, как и у меня. Врач в поликлинике сказала нам: «Никаких силовых упражнений!» – и выписала две справки, сразу на весь учебный год.

Но Лёша только и знал хвалить его. Точно не слышал, как физрук Борис Игнатьич спрашивает Костю на уроках: «Ну, как ты? Не устал? А то сядь посиди».

И Костя тогда не знает, куда деваться.

А когда все отжимаются или подтягиваются на турнике, ему дают мяч покидать, чтобы скучно не было. Он и тренируется закидывать в корзину мяч, один. Или ещё – кидать об стенку, всяко разное, тоже сам с собой...

Костя мне рассказывал:

– Я думал: дразнится, что ли, так Юров – что я сильный? Гляжу на него – нет, серьёзно говорит.

А то ещё Юров взял моду жаловаться на одноклассников. Хотя и донимать его вроде перестали.

Но ему так понравилось, что за него Костя вступился!

И он теперь хотел, чтобы такое случилось ещё раз.

Или не раз.

Он так и подзуживал Костю с кем-нибудь подраться. А Костя не драчун, ему бы одному за компьютером сидеть. В сети, если и подерёшься с кем-то, вы всё равно останетесь друзьями. Да хоть в лепёшки друг друга раскатайте, хоть вдребезги разбейте свои медные тазики – всё равно потом будете смеяться: «Здорово я тебя?»

А если скучно станет, всегда можно на другой сайт перейти.

А как от Юрова отделаться, Костя совершенно не знал. Юров к нам даже в гости приходил. Два раза.

Мама на кухне папе говорила:

– Радоваться надо – у него друзья появились!

И папа отвечал:

– Ну наконец-то.

А Костя не рад был. Но что делать – показал Юрову свою игру. Меня не пускает за компьютер, а с Лёшей они рядом сели и давай мышку друг у друга отнимать. Костя злится:

– Да не умеешь ты, дай я!

А Юров ему напоминает:

– Я к тебе пришёл! Я гость!

Как будто звали его.

В конце концов Юров от Костика отстал. Косте девчонки в классе передали, как он с ними откровенничал: мол, раньше он, то есть Костя, был парень как парень, а теперь и дружить с ним не хочется. Костя скучный, и он за Юрова больше не хочет заступаться. И поиграть с ним толком не поиграешь.

Потом ещё Игорь Орефьев к Косте подошёл, спросил:

– Что, больше не ходишь с Тощим?

Костя плечами пожал. Скучно вот так стоять обсуждать одноклассника. Особенно если и так всё ясно. Хотя, может быть, Игорь просто не знал, как завязать разговор. Он тоже особняком держится. Его и за школой со всеми не было, когда Косте сломали очки.

Орефьев после уроков домой бежит – ему с собакой гулять надо. Со щенком. Счастливый – ему щенка купили.

А Костя после уроков торопится к Ретту, Хью, Ли Джину и Мише, они его ждут.

Одной мне спешить некуда. В гимнастику меня не приняли, а дома я смогу потанцевать в любое время, пока мамы нет. Поэтому я дожидаясь Костю.

Он первое время ворчал:

– Ну, что домой не пошла, тебе что, делать нечего?

Знает же – у меня по средам и пятницам уроки раньше заканчиваются.

Я отвечала:

– Ничего я и не ждала! Нас Катыванна оставила на дополнительный классный час.

Или говорила, что дома оставила ключи.

А теперь Костя уже ничего не спрашивает, привык. И даже сам меня ждёт, если вдруг нас на самом деле после уроков задержат.

Это не потому, что он кого-то боится. Он говорит: «Кому я в классе нужен?» Заметили его один раз, когда за Юрова вступился, наподдали ему – а сейчас опять не замечают.

Но я не хочу, чтобы он шёл один.

Идём с ним через школьный двор, а впереди Орефьев бежит со всех ног – соскучился по щенку.

Щенок у Орефьева тонконогий, прыгучий, как оленёнок. Мне кажется, из такого не собака – олень вырастет.

Мы с Игорем в одном дворе живём. Я разогреваю суп и вижу в окно, как они оба носятся через двор – Игорь и щенок его. Мне бы собаку!

Вхожу я в комнату, а Костя у компьютера в комок сжался – перед большим броском. Тазоголовые идут!

Ему сейчас говорить что-то бесполезно.

И всё же я начинаю:

– Костя, а давай попросим, чтоб нам собаку купили?

Костя дёрнулся – чуть не взлетел над стулом. Глянул на меня – глаза мутные. Что с ним разговаривать?

3. Макар из Липовки

Мама говорит, что Костя испортит зрение ещё сильнее и ему понадобятся новые очки. Такие толстые, что за ними и глаз не видно будет.

Пытается его напугать, а Косте всё равно. Носит же он свои очки! Это когда ты ходишь без очков и вдруг тебе говорят, что теперь их носить придётся, – вот тогда переживаешь, думаешь: как это, всю жизнь – очки?

А если вместо одних очков у тебя другие будут, то что за беда?

В кухне папа втолковывает маме, что у Кости зависимость. И что его уже словами не убедишь, и если заиграется – надо без лишних слов брать под мышки и тащить со стула.

Мама не соглашается.

– Силу применять, – говорит, – это в любом случае не метод. Надо его как-то отвлечь. Другое дело, что ли, предложить.

Папа сразу и предлагает:

– Сейчас я его отвлеку. Я как раз на рынок собрался – мяса, картошки купить. Вот пускай со мной едет – увидит, откуда продукты в доме берутся.

Стал он Костю со стула тащить на рынок, а тот чуть не плачет:

– Папа, миленький, дай мне доиграть! Там сейчас Макар играет!

Папа не понимает:

– Кто-кто?

Костя волнуется:

– Макар! Он из деревни Липовка! Мы же там в лагере были!

Мы – были там? Это что-то новое!

– Как в Липовке? – говорю. – Он же в Кувакине – наш лагерь!

А Костя в ответ:

– Но мы же проезжали через Липовку!

И в стол двумя руками вцепился, чтобы не оттянули.

Мама говорит папе:

– Пускай доиграет, после расспросим его.

Через полчаса Костя, счастливый, сам пришёл на кухню – рассказывать. Мама как раз картошку чистила. А я рядом чистила морковку для супа. Не знаю, как у кого дома, а у нас всегда кто-то отдувается, пока ещё кое-кто в интернете сидит.

Костя перед игрой смотрел список участников, а там – новенькие.

И оказалось, что один мальчик живёт в деревне Липовка.

А сам он – Макар.

Костя пишет ему: «Я знаю твою Липовку! Мы летом проезжали через неё!»

Парень пишет в ответ: «Липовок много, даже по одной нашей области! Набери в поиске – сам удивишься. Ещё вопрос, та у меня Липовка или не та».

А Костя не открывает поисковик – боится, что парень уйдёт из чата. Костя набирает слова, торопится: «Как же, мы в лагерь ездили! В Кувакине у нас лагерь!»

И тут же ответ приходит: «Да, это наша Липовка! У нас есть Кувакино. Мы туда в школу ходим. И лагерь там есть».

И так они с этим Макаром друг другу обрадовались!

– Мама, ты не понимаешь! – Костя чуть кастрюлю с картошкой на пол не смахнул. – Это же здесь, у нас! Мы проезжали... Мы же ехали мимо – в лагерь... Может, мы и Макара видели из автобуса! Только ещё не знали, что это он...

Никому больше из наших мест Костя так не радовался. Хотя есть люди, может быть, и с соседней улицы! А Липовка... ну, подумаешь...

И тут до меня доходит: мы же летом проезжали через неё! В каникулы. Это не то, что встретить одноклассника, с которым на уроках сидишь каждый день...

Липовку вспоминать приятно. И не одному Косте, оказывается. Мама тоже вдруг заулыбалась.

– Липовка, – говорит, – и мне знакома. Думаешь, почему вы в лагере были – в тех местах? Это вообще-то наш район. Там всё в комплексе: в Собакине опытное хозяйство от института, а дальше по дороге, в Кувакине, – ваш лагерь... А Липовка – она же от Собакина всего-то в пяти или в шести километрах, это считай что рядом!

Словом, мама обрадовалась Макару, почти как Костя.

– Надо же, – говорит, – в такой большой всемирной сети, и вдруг что-то родное.

Хотя это – кто-то родной.

Да и не родной он нам вовсе. Тоже мне родня.

Я думаю, дело в том, что мама теперь начальник. Как папа. И всё, что относится к их институту, ей стало важным и дорогим. Даже деревня Липовка. Потому что от неё всего-то ничего до опытного хозяйства в Собакине. Через Липовку надо проезжать...

Как будто здесь есть заслуга этого Макара! А мама ещё его имя повторяет, точно на вкус пробует:

– Макар, Макар...

– В деревнях, – говорит, – такие хорошие имена детям дают! Помнят там ещё старинные имена...

4. Та площадь, где народа много

Костю с тех пор стало от компьютера вообще не оторвать, особенно если Макар тоже в сети. К тому времени, как каникулы начались, их уже было водой не разлить, как папа говорит.

А летом и вообще можно – как встал с утра, сразу за компьютер. Пока мама с папой придут с работы, наиграешься – голова кругом пойдёт.

Макару, видать, только что купили компьютер. Он бурно осваивал интернет, зарегистрировался на нескольких игровых сайтах. Правда, поиграть ему удавалось нечасто. В этом плане жизнь у него была куда труднее, чем у Кости. Костю звали дома только лук чистить, или картошку, или посуду мыть, или ещё прибраться в комнате. А другу его надо было и кур, и поросят с телёнком накормить, и ещё в огороде на грядках что-то сделать. А убирать ему приходилось и двор, и тот сарай, где у них скотина, – это не то что в комнате пропылесосить.

И всё же каждый вечер Макар гулял по сети и чего только там не находил. Скоро он прислал Косте несколько ссылок на сайты про природу. Что-то про муравьёв, как они строят государство, и про глубины моря, где живут слепые рыбы – зрение им в темноте без надобности...

Костя открывал одну ссылку за другой, компьютер зависал рано или поздно. Он ведь у нас уже старик. Он не выдерживает, если откроешь много окон. Папа говорит, что принципиально не станет новый покупать – мы ведь и старый используем только себе во вред. Хотя почему – мы? Я-то при чём?

Костя шипит на компьютер и обзывает его металлоломом.

Я говорю:

– Ты окна позакрывай лишние...

А Костя:

– Здесь ничего лишнего нет...

Как будто ему жалко с каких-то сайтов уходить. Ему хочется сразу быть и там и здесь...

Гляжу в монитор – а там у него морское дно. Я думала, что это новая игра такая. Но вот он закрыл всё лишнее – и одна рыба поплыла... И тут же другие стали появляться. А Костя не подгоняет их, не водит мышкой. Смотрит, как они сами двигаются, медленно, крупно извиваясь.

– Ленка! – говорит. – Сейчас вот эта подводная зверюга ещё какую-то зверюгу проглотила – и нет её! Вот, вот, она уже за этой гонится!

Я думаю: его же Ретт ждёт и все остальные!

Раньше он только за игрой время проводил. А теперь обязательно побродит там, где до него уже побывал Макар. А после и Ретту ссылки перешлёт.

Он и другим своим рассказывал про этих здоровенных рыбин и про муравьёв. Да только и Миша, и Хью оба написали одинаково: «И что?»

А Ретт, наоборот, заинтересовался. И тоже каких-то ссылок про эту рыбину прислал.

Теперь Костя в основном с Реттом дружит и с этим новеньким, Макаром. С новеньким даже больше. Ретту ведь по-английски надо сообщения писать. А значит, думать надо, подыскивать слова. А с новеньким – слова уже есть, готовые. И Костя рад проговорить до ночи. Это другу его всё время нужно куда-то. Он обрывает разговор, пишет, как будто извиняясь:

– Ну что, до завтра?

И Костя вздыхает тяжело.

Мальчишки, оказывается, любят поболтать не меньше, чем девчонки. Костя на день рождения знаете что попросил? Микрофон к компьютеру. Надо же, говорит, с людьми мне разговаривать!

Папа сначала рассердился:

– Я же сказал, к компьютеру ничего покупать не буду!

А мама:

– Это же не к компьютеру, это для выхода из компьютера. Это как окно для него сюда к нам, к живым людям, – в ту же Липовку...

Как будто те, кто раньше играл с Костей, не живые. Может, всё дело в том, что Австралия и Китай где-то далеко, а Липовку мы проезжали? Поди пойми... Но папа понял, что мама хотела сказать, – купил он Косте микрофон.

– Пускай болтает, – говорит, – с друзьями. Может, и играть меньше станет.

Однажды Костя с Макаром сели-таки играть – вдвоём против ещё кого-то. Сразу продули – Макар виноват, он зазевался... Костя в сердцах бросает:

– Ну ты, макарон!

А после же в микрофон спрашивает:

– Слушай, а тебя как друзья зовут, не Макароном?

Вдруг осенило его, что Макара ещё как-то звать должны. Макар – взрослое имя. А дома, в школе – как?

Меня смех разбирает: ну не Макарон же! А Макар там у себя теряется. Бормочет:

– Ёжик солёный...

И до Кости тут доходит, что он обидел человека. До меня тоже доходит. Макар отвечает с неловким смешком:

– А меня зовут дома: «Мммм!» А ещё иной раз зовут: «Миу-миу-миу!»

Сирену изображает из той игры. Похоже. А Костя и рад тему сменить. Просит его:

– Сыграем ещё в игру? Давай! Один против одного...

Макар сомневается:

– А не затянет? Лучше сходить вместе куда-нибудь...

Костя спрашивает:

– Куда пойдём? В саванну? Или на океанское дно?

Макар говорит мечтательно:

– Что-то охота мне сегодня в большой город! Чтоб там высокие дома и чтоб народа много...

И Костя предлагает:

– Что, на ту площадь, в Нью-Йорке? Помнишь – где все толкаются, ещё полицейский в прошлый раз...

И обязательно же им вместе куда-нибудь идти! Хотя бы и с разных компьютеров. Выходит, Косте и игра не так важна, – важней, чтоб кто-то звал его с собой гулять? Чтобы не одному бродить по интернету?

Мама говорит, что он за Макаром тянется. Глядишь, в сентябре учиться начнёт как следует. По другу его сразу видно, что он хорошо учится.

Костя с обидой спрашивает:

– А это откуда видно?

Как будто мама не хвалит Макара, а ругает.

Мама говорит:

– Он всё хватает на лету. Компьютер у него только появился, а он ориентируется в сети не хуже, чем та рыба в потёмках.

5. Знакомый космонавт

После той рыбы и после Нью-Йорка он ещё разные ссылки присылал. Свои находки. Нам больше всего понравилось про космос.

Я только собралась на улицу, а Костя вдруг как заорёт:

– Ленка, Ленка, бегом сюда! Глянь, как загребают!

– Кто загребают? – спрашиваю.

А Костя:

– Кто, кто, космонавт... Вот он – плывёт!

И точно, космонавт как будто плыл под водой. Тоже в глубинах, но в космических.

Так мы узнали, что на орбитальной станции есть камера. С неё изображение идёт на Землю. Если хочешь, можешь смотреть, как космонавты перемещаются по коридору, плавно загребая перед собой руками.

Мелких деталей не увидишь, и мне лично не понять, что они делают, когда подкручивают что-то, или присоединяют к чему-то проводки, или разглядывают что-то на экранах своих приборов. И что они говорят друг другу – не разберёшь.

Костя с Макаром связались, Макар хвастается:

– Вчера космонавт мне кивнул!

Костя не верит:

– Ему что, на орбите делать нечего, как только тебе кивать?

– Да он, – говорит Макар, – между делами... Подплыл к самой камере, вот так вот улыбнулся мне и кивнул!

Должно быть, Макар у себя в Липовке показывает, как именно кивнул, только мы не видим. Что-то у него с веб-камерой... Но Костя бы и веб-камере не поверил.

– Откуда он тебя знает, чтобы тебе на Землю кивать? Это он нам кивнул, всем землянам!

А Макар ему:

– Ёжик солёный! Я не пойму – что, все земляне трансляцию смотрели в тот момент?

Это у него присловье такое – «ёжик солёный». Пока не привыкнешь, кажется, что это он к тебе так обращается. Точнее, к Косте.

– Ёжик солёный! – рассказывает Макар. – Может, я только один в то время и смотрел. А космонавтам легче, когда за ними следят с Земли, переживают...

Может, и верно – легче? Однажды космонавт на себя камеру прицепил так, чтобы руки были хорошо видны, и мы смотрели, как они с напарником работают в открытом космосе. Они что-то присоединяли к ракете, то есть, конечно, к станции. Пальцы у них кажутся совершенно непослушными в толстых перчатках, – но нет, справились, всё прошло удачно.

Вечером в новостях слышим – на станции велись наружные плановые работы.

В другой раз мы видели, как космонавт вернулся с таких наружных работ. В белом скафандре он наплывал на камеру. Скользил на спине головой вперёд – неуклюжий, неповоротливый. А другой космонавт вёл его, как ведут надувной матрас на реке. Сам плывёшь, загребаешь одной рукой, а другой – матрас держишь.

Вот так и этот парень вёл своего друга, одетого в скафандр. Сам-то он был в каких-то шортах и в маечке. Ловкий, не уставший. То с этой стороны друга подхватит, то поднырнёт, чтоб вместе в поворот вписаться. Волосы у парня кудрявые, вокруг головы вьются во все стороны, колышутся, как водоросли в аквариуме. Понятно – невесомость. Там среди них ещё девушка есть, так у неё хвостик на макушке не болтается, а держится вертикально, точно какой букет.

А платье на орбите вовсе не наденешь – не станет оно красиво струиться без силы тяжести и в складочки не соберётся. Торчать на тебе будет как попало.

Это мама вздыхает – про платье. Как будто в космос собралась.

Мы уже всей семьёй смотрим, как они живут там, на орбите. И папа не говорит, что мы зря теряем время. Наоборот, спросит иной раз:

– Что нового у космонавтов?

Вот такие вечера я люблю.

Мама напоминает Косте:

– Ты сказал Макару спасибо, что вывел нас на этот сайт? Что мама просила сказать спасибо?

А Косте больно-то охота спасибо говорить? Они стали вроде как соперники. Я слышала, как Макар хвастался ему:

– У меня теперь есть знакомый космонавт! Я его всегда узнаю! У него светлые волосы, лицо такое круглое...

Костя спрашивает:

– Наш или американец?

А Макару откуда знать?

– Это всё равно, – отвечает. – Главное, он мне кивнул. Я теперь всегда за ним наблюдаю.

А Косте-то никто из космоса не кивнул. Хотя мы с ним тоже всех сможем узнать. И того, с волосами-водорослями. И девушку с хвостиком-букетом.

6. Очкарики

Смотрим мы однажды, как этот кудрявый космонавт вместе с девушкой коробки толкает по воздуху. А ещё кто-то к ним на помощь плывёт. Новенький, наверно.

И вдруг папа как выдохнет:

– Ёлки-палки, очкарик!

А папа и сам в очках, со второго класса. Мы с Костей в него такие – близорукие.

Папа говорил, что, когда был маленьким, его дразнили очкариком. Он из-за этого даже дрался – снимет очки, чтоб не разбились, и вперёд – хотя бы и один против троих. Уж такая злость его одолевала, оттого что ему напоминали все подряд, что он в очках.

Я спрашивала:

– Ну, да, в очках. А ты что, сам не знал?

И папа отвечал, что мне его не понять. Я из другого поколения. Это, сказал, сейчас ты выбираешь оправу, думаешь – идёт тебе, не идёт. А тогда в любом случае считалось: не идёт. Многие дети, которым очки были нужны, вообще их не носили. Разве что если кто совсем плохо видел – как наш папа. И это тогда вроде как знак был для остальных: вот этого мальчика можно дразнить!

Костя говорит:

– Как будто сейчас не дразнят никого! Лёшку Юрова у нас ещё как донимали. Хотя он и без очков...

Папа теряет:

– Ну, я не знаю... Может, у Лёши Юрова есть какой-то другой знак, что его дразнить можно?

Сам папа, когда был мальчишкой, очень старался, чтобы на нём никакого знака не было.

Кто думал, что очки – это знак, что человека можно звать очкариком, тот убегал потом с разбитым носом. А вечером чьи-то родители к нашим бабушке с дедушкой жаловаться на папу приходили.

А теперь вдруг он сам обзывает космонавта очкариком.

Мама спрашивает:

– А сам ты тогда кто?

А папа говорит:

– Я же из-за очков космонавтом не стал!

Костя даже привстал со стула.

– Кто, ты – космонавтом?

А уж как сама я удивилась...

Папа у себя в институте семенами занимается. Сидит в лаборатории, думает, как сделать, чтобы на них морозы не влияли и разные вредители. У папы с мамой лаборатории в институте – по соседству. Папа ещё нам рассказывал, сколько растений раньше в наших местах не росло. А потом люди научились их выращивать.

Можно было подумать, что он всегда мечтал работать с семенами. А он, выходит, мечтал в космосе летать?

Никогда он нам такого не говорил. А в его детстве, оказывается, многие ребята хотели стать космонавтами. И взрослые твердили им, что они станут – если постараются как следует.

Папа говорит:

– Нам объясняли, что у космонавта должно быть идеальное здоровье, абсолютно. Что надо, например, всё время закаляться, а ещё тренировать вестибулярный аппарат...

Я не поняла:

– Что тренировать?

Папа отвечает:

– Чувство равновесия. И мы с ребятами крутились на карусели во дворе, как в центрифуге, до того, что верх и низ отличить не могли. То ли падаешь на землю, то ли взлетаешь – как бы очки не слетели, не разбились. Они у меня на резиночке держались. А после мне друг принёс газету, так в ней один парень вопрос задал: мол, у меня близорукость, минус пять, – а я хочу стать космонавтом...

– И что ему ответили? – спрашиваю.

Папа машет рукой.

– Ответили – не огорчайся, есть много других профессий... А у меня зрение-то было уже минус шесть с половиной... – Папа вздыхает: – Я сразу не сдался. Спрашивал направо и налево у взрослых – ждал, кто бы меня обнадёжил. Мол, ерунда – про зрение. В очках-то всё видно. А они мне в один голос: какой из тебя, Сашка, космонавт!

7. Дед-бездельник и Грандсон

Папа с тоской смотрит в монитор, как толстенький человечек в очках, кружась, как жук, тянет за собой какие-то провода.

Тут мама спрашивает:

– Что ж ты мне никогда не рассказывал, что хотел стать космонавтом?

А папа:

– Когда я с тобой познакомился, мне уже ясно было, что это для меня закрыто. Что зря говорить?

Мама почему-то губы поджигает – на секунду. Наверно, только я и замечаю. А потом лицо у неё становится таким же, как всегда.

– Очки – это что! – изрекает Костя невпопад. – Знаешь, пап, у них там на станции вообще один лысый есть!

Папа в раздумье запускает пальцы в свои кудри. Такие же, как у Кости. Или – у Кости как у папы. Если бы папа с Костей, не подстригшись, полетели в космос, кудри у них тоже бы стояли-колыхались. Не хуже, чем у того, который своего друга буксировал по воздуху.

– Про лысину нам в детстве ничего не говорили, – вздыхает папа. – А вот если бы я знал, что когда-нибудь и очки не будут помехой...

Мама утешает его:

– Может, там какие-то специальные очки?

Мы все вглядываемся в монитор. Как будто можно разглядеть, что там за линзы – в очках. Куда там...

Мама говорит:

– Мне кажется, это не космонавт – учёный. Смотрите, какой он неспортивный. Видно, прилетел к ним опыты ставить, ненадолго...

Я думала, папа скажет: «И я бы постарался таким учёным стать».

А что? Папа ведь и так почти учёный. Научный сотрудник. А знал бы, что человечек в очках полетит, так, может, не спал бы и не ел, а только бы учился дальше, чтобы тоже летать, вместе с этим человечком. Профессором стал бы каких-нибудь наук. И мы с мамой и Костей смотрели бы сейчас на него с Земли.

Но папа не хочет фантазировать про самого себя. Он хочет фантазировать про Костю. Например, как тот прибудет на станцию и скажет: «Привет всем от папы! Мало кто с такой силой хотел космонавтом стать, как мой папа».

Папа осторожно спрашивает:

– Ты бы не хотел когда-нибудь работать в космосе?

А Костя в ответ:

– Нет, это Макар хочет – стать космонавтом-исследователем. Как этот сайт нашёл – так и всё. «Ах, космонавты, ах, у меня там знакомый!» Уже и в сети не появляется. Исчез. Видать, всё тренируется...

Мама говорит:

– Вот молодец!

А Костя как не слышит её. Он глубоко вздыхает:

– И Ретт от нашей компании откололся. Написал, что пока не будет играть. Временно. К нему кто-то приехал. Какой-то Грандсон.

– Кто? – переспрашивает мама.

Костя отвечает:

– Грандсон. Наверно, имя такое. А может, это означает – друг-приятель. И что-то он ему так рад...

Мама говорит:

– Ну ещё бы! Грандсон – это вообще-то внук.

– Как – внук? – не понимает Костя.

Мама отвечает:

– Внук приехал к твоему другу Ретту.

Костя обалдело смотрит то на маму, то на папу.

Это ж подумать только! Ретт написал ему, что приехал Грандсон. Ему шестнадцать лет. (Костя ещё сказал: «Ого!»)

Грандсон учится в колледже, водит мотоцикл, не боится глубоко нырять и любит лошадей. В общем, классный такой Грандсон, Ретт прямо гордится им.

– Костя, – соображаю я, – а ведь и правда, мы в школе проходили. «Грандсон» – это по-английски внук.

Костя кивает:

– Конечно, проходили. Но мало ли... Как-то я не думал...

А кто бы подумал? Они же болтали, как два одноклассника! Если не считать, что в чате и только по-английски...

Ретт как-то спрашивал, есть ли у Кости Грандсон. Костя подумал: вдруг это не имя? Вдруг это значит – друг-приятель? Ответил: ну да, конечно, у меня их много.

Костя не хочет, чтобы знали, что у него только в компьютере друзья.

Выходит, сам себя в дедушки записал? А Ретт, приятель его, – он папе с мамой в отцы годится?

Мама говорит:

– В возрасте уже человек, а бездельник.

Костя обижается за Ретта:

– Он не бездельник, он баранов пасёт. У него порядка трёх тысяч баранов! Я думал, это его родители держат, а оказалось, что он сам!

Я тут представила огромную равнину, всю занятую стадом овец и баранов. Кажется, я видела что-то похожее в кино. Или на каком-то сайте... Спинки баранов колышутся, как волны моря, и всё стадо течёт туда, куда надо пастуху. А за тем, чтобы море не выходило из берегов, следят большие умные собаки.

Над волнами возвышаются всадники – старый Ретт, которого Костя обзывал рэмом и чуть не сделал покойником, и его внук Грандсон, шестнадцатилетний, почти взрослый парень, любящий лошадей.

А что маме представилось, не знаю. Но мама вдруг говорит:

– Надо бы и вас вывезти на природу. Баранов не обещаю, но свежий воздух, парное молочко...

Папа перебивает:

– Мы же им только на август путёвки взяли. Забыла? И потом, в лагере нет парного молока. Это же целое стадо нужно, чтобы всех напоить.

Мама в ответ:

– Да я не про лагерь. Мне тут небольшая командировка предстоит, дня на четыре. В Собакино, в опытное хозяйство. Хочу сама проверить автоматическую линию.

Папа уточняет:

– Так ты что, едешь в командировку?

Мама кивает:

– Ну да... – как виноватая. – Их, – говорит, – наверно, тоже с собой возьму. Сам говоришь, я ими не занимаюсь...

Папа бы предпочёл, чтобы мама занималась нами дома. И чтобы он тоже нами занимался. Чтобы никто никуда не уезжал.

Он спрашивает – как будто с надеждой:

– Кто вас троих там ждёт? Кто их поселит в общежитие с тобой?

Их – это нас, понятно. Они говорят о нас так, точно нас здесь нет. Так бывает – особенно когда родители сердятся друг на друга.

Мама доказывает ему:

– Так мы не в общежитие пойдём! Снимем угол у какой-нибудь бабули в том же Собакине...

Ясно, что мама поедет в командировку в любом случае. С нами или без нас.

Она часто говорит, что прежний начальник отдела, тот, который был до неё, работу запустил. И ей теперь приходится самой всё разгребать. На неё всё навалилось. Сколько мы слышали от неё:

– Думаете, мне интересно – с бумагами? Я лучше бы, как Костя, гуляла по интернету!

Зачем было становиться начальником, если на тебя при этом всё наваливается?

Я спрашиваю:

– Мама, а мы с тобой всё разгребать поедем?

Мама кивает:

– Ну да, именно...

Тут папа улыбается мне.

И мама тогда – папе:

– Как думаешь, ведь ничего, если я съезжу вместе с ними?

Папа снова хмурится. Но говорит:

– Наверно, ничего. Они ведь ещё не были в деревне.

Мама радуется, что он согласился. И начинает зачем-то снова доказывать ему, что это и вправду ничего.

– Всего-то, – говорит, – четыре дня! Я на работе буду, а они станут гулять, воздухом дышать... Может, с ребятами там познакомятся, увидят, как люди живут в других местах, не в городе...

И нам кивает:

– Хватит торчать дома. Июнь, считай, пролетел, а вы ещё нигде не были!

Мы были не против, только жалко было, что папа с нами не поедет. Его не отправляют в командировки. Он уже давно начальник отдела, и ему ничего не надо разгребать. И отпуск у него ещё не скоро.

Но он повздыхал, подумал и сказал, что это – хорошая идея.

– Всё правильно. Хотя бы от компьютера Костя оторвётся, – говорит.

И верно, наш компьютер ведь не потащишь с собой. Костя бы и готов, да знает – ему не разрешат!

Молчал, молчал он. Видно, представлял, что станет делать без компьютера четыре дня. И вдруг спрашивает:

– А почему мы будем жить в Собакине? Давайте лучше в Липовке, где Макар...

Я подумала: охота же маме будет каждый день ходить в Собакино за шесть километров!

А мама вдруг согласилась:

– Ладно, давайте попробуем устроиться в Липовке.

8. Кто никогда не спал на сеновале...

Папа ещё сказал:

– Как будто это проще простого – устроиться!

Но оказалось и впрямь – проще простого.

Мама назавтра приходит и говорит: в институте познакомили её с какой-то тётей Наташей. Так она родом из той самой Липовки! А её мама и сейчас там живёт. Маму зовут Анной Ивановной.

И наша мама вместе с тётей Наташей уже звонили ей. Спрашивали, не знает ли она, кто может на квартиру нас принять.

А та ответила, что и сама нас примет с удовольствием. Всё, говорит, будет веселее! И молока парного у неё дома сколько хочешь. А в саду ягода осыпается, руки не доходят до неё. Так что вся наша будет, если приедем.

Мы обрадовались, что всё так легко решилось. Костя уточняет у мамы:

– А сеновал есть у неё? У этой Анны Ивановны? А то я хочу ночевать на сеновале!

Я тоже слышала, как хорошо спать в деревне на сеновале, в душистом сене.

Даже стихи такие есть:

Кто никогда не спал на сеновале,
Вы тра-та та-та что-то потеряли...

Не помню точно...

Мама говорит:

– Насчёт сеновала не знаю, есть ли он там... Но в любом случае – пиши своему другу, что приедешь в Липовку. Вот он удивится!

В понедельник мы сели в автобус на вокзале. Мама сказала, от её работы в Собакино завтра пойдёт машина. Но в ней вряд ли всем хватит места. И потом, лучше приехать в Липовку заранее, устроиться. Тогда маме спокойней будет работать в опытном хозяйстве.

Папа, наоборот, предлагал отложить поездку до среды. Тогда он смог бы взять отгул и сам отвезти нас на машине. А раньше никак нельзя: его отдел выполняет важное задание. И если папа, начальник, сейчас оставит всех своих, то это будет неправильно.

Мама сказала:

– Ну и работай спокойно! Ездят ведь люди на автобусе. И мы доедем.

Ездить я люблю.

Мама рядом со мной сидит, детектив читает.

Костя – через проход, в наушниках, музыку слушает.

А я бы только в окно глядела, ждала бы той минуты, когда город кончится. Все новостройки, заборы, вывески останутся позади. И будут только холмы, холмы. Они зелёные, круглые – как на рисунке.

Где-то на холме увидишь одинокое дерево – вётлы это, чаще всего. Где-то по холму домики разбросаны и коровки ходят. Или неотличимые отсюда, маленькие совсем козы или овцы.

Картина всё время меняется. А я сижу и думаю: подольше бы вот так ехать!

Я и в прошлом году, когда мы в лагерь ехали, думала: подольше бы не приезжать, чтоб можно было глядеть в окно. А мы раз – и оказались в этом Кувакине как-то незаметно.

А Липовка, она ведь гораздо ближе, чем Кувакино. Кто бы сомневался, что я и дорогу-то не успею как следует почувствовать?

Но я одного не учла. В лагерь нас вёз специальный автобус. А теперь мы ехали в обычном, пассажирском.

Шофёр остановился на шоссе, крикнул:

– Кому в Липовку?

Гляжу, с краю дороги на колышке табличка прибита – «Липовка». А кругом поле, деревья – и никакой Липовки не видать.

Спрыгнули мы на дорогу вместе с сумками. А самую большую, с колесиками, какой-то дяденька нам вынес. Водитель из кабины высунулся, показывает:

– Вон по тому просёлку ступайте. А мы поедем дальше.

Дяденька скорей обратно в автобус полез. И говорит оттуда:

– Вы всё прямо, прямо идите, до пруда. А у пруда налево повернёте. Это если вам в Липовку. А если в Собакино – направо.

Костя радуется:

– Ну, двинули вперёд!

Мама напоминает:

– Имейте в виду, в деревне положено здороваться со всеми! Так что, если встретим кого, чтоб сразу – «здравствуйте!». Иначе как выглядеть мы будем?

Мы с Костей в ответ:

– Помним, помним!

Нам это и папа, провожая, на автовокзале говорил!

Но на дороге нам никто не встретился. Хотя до пруда оказалось идти и идти.

Сумка с колёсиками прыгала на ухабах, буксовала в пыли, и сами мы покрылись пылью до самых макушек.

Очки приходилось протирать краем футболки, потому что салфетки были где-то в сумке, глубоко. Но очки снова быстро становились грязными.

По лицам у нас тёк пот. От него щёки и лоб щипало. Оправы очков натирали нам переносицу и щёки. То и дело Костя снимал очки и начинал тереть лицо кулаками – с силой, размазывая грязь.

И я, наверно, была не лучше.

Одна мама не трогала лицо, и на нём от пота оставались ровные узкие дорожки.

– Макар всё время так ходит, и ничего, – как будто в утешение нам сказал Костя.

Но мама ответила:

– Зачем ему всё время здесь ходить? Он там в своём мире живёт... – и рукой махнула неопределённо куда-то вперёд. – Всё у него там есть – и школа, и...

Мама запнулась. Может, не придумала, что ещё у Макара есть. Я шла и думала: что это за мир такой, до которого так трудно добираться?

Но ещё хуже стало, когда дорога стала спускаться к пруду. Теперь большая сумка норвила вперёд нас убежать. Мы еле удерживали её.

А дальше пришлось подниматься наверх. Мама сказала, что уже скоро. Костя промолчал, у меня тоже не было охоты разговаривать.

Я и глазам не поверила, когда мы наконец-то взобрались на холм и перед нами оказались деревенские домики.

Мама выдохнула чуть слышно:

– Нам нужен четвёртый с края. Надеюсь, с этого края, а не с того.

У четвёртого домика стояла бабушка, уж до чего худенькая и маленькая, в больших толстых очках. Лицо у неё было загорелое. Морщины теснились на нём густо-густо. Оправа была коричневой, и это выглядело тоже как линии морщин. Ещё по одной толстой закруглённой морщине вокруг глаз.

Мама сказала:

– Здравствуйте, Анна Ивановна!

И тогда бабушка заулыбалась, зашевелила все свои морщины.

– Я, – говорит, – жду, жду! И пироги уже испекла, и комнату вам приготовила...

Тут Костя говорит:

– Какую комнату? Я хочу на сеновал!

Анна Ивановна удивилась:

– Зачем на сеновал? Дом большой, места всем хватит.

Но Костя, видать, с самого начала решил определиться: на сеновал, и точка!

– Когда ещё, – спрашивает, – придётся ночевать на сеновале?

Во дворе у Анны Ивановны собака оказалась. Здоровенная, чёрная. И она зарычала-зарокотала, когда мы вошли в калитку. Мы трое – скорей назад, на улицу. И Костя, отступая, пробормотал – как будто в укор себе и нам:

– А она привязанная...

Маленькая Анна Ивановна подошла к собаке и что-то сказала ей. Мы не слышали что. Потом она попросила подойти всех нас по очереди. Сначала маму, потом Костю и меня. Собака всех нас по очереди обнюхала. Мне было страшно, когда она трогала меня своей огромной мордой, будто раздумывая: укусить, не укусить?

– Свои, Пальма, свои, – повторяла Анна Ивановна.

И мне говорила:

– Ну, не молчи. Скажи ей: «Пальма». Пусть она твой голос услышит. А то как же вы познакомитесь?

– Пальма, – сказала я.

Голос у меня дрожал. Надо же, думаю, а я хотела, чтоб мне щенка купили! Это чтобы он вырос вот в такое чудище?

Я облегчённо вздохнула, когда Пальма закончила меня обнюхивать – и руки, и лицо, и шорты. Теперь наконец можно было отойти.

А Костя снова подошёл к Пальме. И она снова принялась нюхать его.

А он её тоже нюхал и чуть ли не облизывал и всё повторял:

– Дай лапу! Пальма, дай лапу!

Хозяйка повела нас с мамой в дом. Костя крикнул вдогонку:

– Анна Ивановна, а Пальма умеет давать лапу?

– Да не умеет, видно, – отозвалась с крыльца хозяйка. – Кто же её учил когда – лапу подавать?

Мы с мамой уже вымыли руки и доставали из сумки гостинцы. Анна Ивановна накрывала на стол и всё суежилась, всё говорила, как вовремя мы приехали. Как раз она скотину закрыла.

– Скотина-то, – говорит, – рано ложится, с солнышком. А мы с вами можем посидеть попировать. Брата зови за стол...

Я только встала позвать, и тут раздался Костин крик:

– Умеет! Анна Ивановна, ваша Пальма умеет давать лапу!

9. Всё не так

И тут же он в сени вваливается. Счастливый, что Пальма наконец-то ему лапу подала. Сразу стал рассказывать, до чего же она смышлёная собака. И до чего большая! Как будто мы сами не видели!

– С такой, – говорит, – никакие враги не страшны. Заигрался в своих тазоголовых, вот ему враги и мерещатся. И тут же, от дверей, он спрашивает:

– Анна Ивановна, а где здесь у вас живёт Макар?

Анна Ивановна удивилась:

– А зачем тебе Макара?

Костя растерялся – как зачем? А наша хозяйка уточняет:

– Это который же Макар тебе нужен?

А Костя не знает, какая у Макара фамилия. Хозяйка раздумывает:

– Это у Петровых Макар, что ли?

– Петровы, – говорит, – на том конце живут, у оврага. И Макар у них есть. Костя – сразу выяснять:

– Что, у оврага? Это всё прямо, прямо, как мы шли, только ещё дальше по дороге? Он прямо сейчас бежать к Макару готов. Точно и не устал вовсе.

– Там, там они все живут, – кивает хозяйка. – Дом большой, на дорогу в четыре окна глядит. Но это что, сзади-то хозяин сделал пристрой...

Нам про пристрой неинтересно, а хозяйке – только бы дорассказать, что начала:

– Семья-то какая у них, считай четыре колена живут...

И пальцы загибает:

– Баб Галя – раз. Дальше Максим с Валюшей. А дальше уже Юрка с Галкой, молодые...

Это уже три? – спрашивает она вдруг у меня.

В растерянности я киваю.

– А четвёртое колено – это Макар. Макарчик. Он весной родился! Тут мы уже не понимаем: как? Что ли, этой весной?

– Мне мальчик нужен, – говорит Костя. – Примерно такой, как я...

Мама объясняет:

– Они по интернету познакомились.

Хозяйка плечами пожимает.

– Мальчиков-то у нас больше Макаров нет. Вот Шурик Малинин такой, как ты, да ещё Серёжка Ужов, Лёня Светиков...

Мама тогда говорит:

– Ну, может, постарше немного. Серьёзный такой мальчик, умненький...

А Костя уточняет:

– В деревне правда все знают друг друга?

– Правда, – отвечает Анна Ивановна. – С чего бы нам друг друга не знать? Да только нет у нас ни одного Макара, чтобы как ты или чуть-чуть постарше. Есть дед Макар, Малинин, от нас через улицу живёт...

Мы тут головами помотали – ясно, это не тот Макар.

А наша хозяйка завздохала:

– Макарами сейчас мальчиков не больно-то называют. У Петровых первенец родился – вот его назвали Макаром, да. Сперва хотели Робертом или Модестом. По-иностранному. Так Наталья Светикова ходила к ним, просила, чтоб Макаром.

И давай нам объяснять:

– Наталья-то – Валюшкина сестра. Юрке, значит, тёткой она приходится. А сыну Юркиному – двоюродной бабкой, что ли...

Нам было скучно слушать, кем приходится друг другу все эти люди. Но Анна Ивановна как будто не догадывалась, что это скучно, – продолжала:

– Наталья им говорит: не так важно, кем я по родству буду, а по сердцу второй мамкой стану, если назовёте, буду считать за сына. Так ведь и то не сразу согласились – Макаром не модно, говорят. Да уж Наталья умолила их, сначала старших, а те уж Юрку с Галкой: мол, что за имена – Роберт или тот Модест...

И правда, странно, думаю. Был бы мальчишка – Петров Модест...

А Косте это всё равно. Он снова съёжился весь. Так бывает, когда мама его ругает. Но мама не собирается его ругать. Она тоже огорчилась за него. Он же своему товарищу на слово поверил, что тот – Макар из Липовки...

И чего ради мы в эту Липовку приехали? Устроились бы в Собакине, если уж маме так хотелось вывести нас на природу.

Маме теперь на работу и с работы ходить в один конец шесть километров.

После ужина хозяйка затопила баню.

Баней оказался маленький домик на краю двора. В домике было тесно, жарко. Пахло распаренными листьями. Анна Ивановна нам сказала вдогонку:

– Венички в кадке найдёте, похлещетесь веничками.

Но нам было не до веничков. Пар стоял тучами, и было трудно дышать. В этом пару я своих рук не видела, и шампунь сразу куда-то провалился. Костя, невидимый мне, ныл, что он уже взрослый и не будет при нас с мамой раздеваться. Мамин голос уговаривал его:

– Как же ты один? Здесь нет душа. И ванны...

Мыться надо было в тазах. Смешиваешь воду – кипяток из большого бака и холодную из ведра, пригоршнями берёшь, брызгаешь на тело, а после намыливаешься вся, по мокрому. А потом снова пригоршнями берёшь воду в тазу, мыло смывать... А если у тебя вода кончилась, то снова кипяток разбавляешь холодной. А мыло пока глаза ест...

После бани на сеновал пошли.

Сеновал был в сарае – вроде как вторым этажом. На первом этаже хозяйка наша поставила какое-то ведро и сказала:

– Вот, если кому надо будет, сходите на ведро. Чтобы недалеко ходить.

Мы поднялись наверх по приставной лестнице. Она качалась подо мной, и я боялась забираться. Анна Ивановна уговаривала меня:

– Не бойся, не упадёшь. Я её держу.

Я сомневалась:

– Она сломается...

Анна Ивановна отвечала:

– Я поднимаюсь по ней, меня выдерживает.

Хотя, я думаю, наша хозяйка была не намного тяжелее меня. Должно быть, она весила, как девочка лет тринадцати.

Наверху тоже всё было хлипко, шатко. Я пожалела, что мы решили спать на сеновале. И Анна Ивановна уже сколько раз предложила пойти в дом. Но Костя стоял на своём:

– Хотя бы на сеновале посплю... – говорит. – Хотя такой плюс от этой Липовки...

Сено было колючее, несмотря на то, что наша хозяйка дала нам и одеяла, и какой-то коврик. Но твёрдые стебли царапались и через коврик. Мама и Костя оба ворочались, устраиваясь поудобнее. Сено шуршало. Я только подумала, что не смогу уснуть, – а дальше уже ничего не помню. Сильно устали мы в этот день – сон и сморил меня.

Просыпаюсь от какого-то резкого звука. Вроде как будильник. Кругом абсолютная темнота.

– Костя, выключи, – говорю.

Костя что-то мычит в ответ.

Потом слышу мамин голос:

– Это не будильник, это петух кричит.

Вот так, что ли, петухи кричат? За первым петухом второй, третий голос подал. И чего они разорались, ночь ведь ещё?

Но им, оказывается, и по ночам не спится.

Не поняла я, сколько их прокричало. Но когда каждый подал свой голос, наступила наконец тишина. Я только сказала себе: «Можно спа-а-ать...», как вдруг слышу, Костя говорит:

– Мама, мне нужно...

А мама ему отвечает:

– Анна Ивановна ведро поставила. Сейчас я с тобой спущусь...

Костя говорит:

– Да что я, маленький? Ты мне только телефоном посвети.

Мама взяла телефон как фонарик, светит на лестницу.

– Осторожнее, – просит. – Сначала нащупай ногой ступеньку, потом...

Костя перебивает, сердится:

– Я что, не знаю, как надо спускаться?

И вдруг как заорёт, и назад, наверх по лестнице! Она под ним так и запрыгала, затряслась.

Костя только что внизу был, а уже здесь. Дышит тяжело.

– Там, – говорит, – внизу кто-то есть.

Мама отвечает:

– Не может быть.

И зевает.

– Мне, – говорит, – через три часа вставать. Так что ты, Костя, давай сходи, куда соби-
рался, и спать будем.

Костя говорит:

– Да я, кажется, передумал. Вовсе никуда я не хочу...

Только я уснула на нашем коврике – опять просыпаюсь. Костя не спит, ёрзает.

Мама говорит:

– Давай-ка спустись вниз, я тебе мобильником посвечу.

Костя в ответ:

– Да ну, не надо. Утро скоро.

Мама его толкает:

– Вставай, вместе спустимся. Давай-давай...

Слышу сквозь сон – Костя говорит внизу:

– Во-во, правда, дышит...

А мама ему:

– Так это скотина!

Костя не понимает:

– Какая скотина?

Мама говорит:

– Ты же в деревню попал. Хозяйка скотину держит.

А Костя снова переспрашивает:

– Кого она держит?

Мама говорит:

– Корову. Или свинью. Не для нас же с тобой сарай строился, чтобы мы спали на сеновале? Хозяйка говорила – скотина у неё...

Я тоже тогда к ним спустилась, а после мы снова на нашем коврике улеглись. Когда все устроились наконец, как кому удобно, и сено перестало шуршать, я услышала, что под нами как будто вздыхает кто-то. Грустно, сонно...

И вдруг опять петухи кричать начали!

Я говорю:

– Вот ненормальные! Им же на рассвете кричать положено!

А Костя в ответ, сердито:

– У тебя не спросились, когда им кричать!

Хотя я-то при чём? Сам напросился спать на сеновале!

Когда петухи в третий раз раскричались, мы поняли, что так спать невозможно. Тем более маме пора было вставать на работу.

На улице стало уже светло, хотя солнца ещё не было видно. Как в пасмурный день.

Наша хозяйка была уже на ногах.

В глубине сарая, под сеновалом, оказалась дверца. Анна Ивановна открыла её – оттуда стала выходить корова. Она выходила долго. Тело у неё оказалось длинное. Ноги переступают, идут вперёд, а бок всё тянется и тянется из сарая.

Вот наконец вся вышла, вместе с хвостом.

Мы посторонились, пропуская её. Мама на всякий случай обняла нас с Костей, и мы отодвинулись к самой стене. Хозяйка сказала:

– Ну-ну... Краля мирная...

Так вот кто ночью громко дышал, думаю.

После завтрака мама пошла в Собакино.

Хозяйка ей сказала:

– Всё прямо, прямо по дороге. Все так ходят...

А нас с Костей хозяйка повела на пруд.

– Покажу вам, – говорит, – что хорошего есть в нашей Липовке.

Пруд мы вчера толком не разглядели – очень устали, пока до него добрались от шоссе. Он оказался большим и лежал точно в чашке среди зелёных холмов. На верхушках холмов всюду были то домики, то лес. А внизу блестела на солнце широко разлитая вода.

Было очень красиво – если только смотреть, но не подходить близко. Потому что на спуске, ближе к воде, зелень под ногами закончилась – и началась глубокая, липкая грязь.

Местные дети скользили по этой грязи на задах и плюхались в воду, как с горки в аквапарке. От купания они становились совсем чумазыми, но им было всё равно. Они хохотали, кидаясь друг в друга пригоршнями грязи, и наша хозяйка улыбалась, глядя на них.

– Купайтесь! – предложила она нам. – Вот как ребяташки.

И тут мы увидели: на другой стороне берег – загляденье! Чистенький, покрытый жёлтым песком. Там и скамеечки, и лесенки какие-то установлены, и грибки от солнца.

– Анна Ивановна, – говорю, – пойдёте скорее туда! Вот там мы будем купаться!

А хозяйка в ответ:

– Там – нельзя. Мы туда не пойдём.

– Почему? – спрашиваем.

– Там, – говорит Анна Ивановна, – наши, липовские, не купаются. Это собакинский берег. Там собакинские купаются.

Удивились мы.

– И что такого, – спрашивает Костя, – если собакинские купаются?

Тут Анна Ивановна рассердилась.

– Вы в Липовку, – говорит, – приехали! Что же вы пойдёте на собакинский берег? Да и побьют вас ещё собакинские.

Мы – чуть ли не оба в один голос:

– Почему – побьют?

А она, в раздумье:

– Со мной-то, может, не побьют... Да только не заведено у нас такого, чтоб туда ходить...

Мы так и не поняли, в чём дело. А она спрашивает:

– Ну что, будете купаться? А то я мамке обещала, что пригляжу, когда в воду полезете.

У нас не было никакой охоты лезть в грязную воду. Так что пошли мы, не искупавшись, домой. Было жарко. С меня ручьями тёк пот. Анна Ивановна говорила, что мы капризные. Что сельские ребяташки в этом пруду купаются – и ничего, здоровенькими растут.

Костя по пути какую-то железку поднял. Спросил у Анны Ивановны, зачем это нужно, а та и не знает.

– Видно, от механизма... – говорит.

А от какого механизма?

Костя вертел железку так и эдак, хотел сам разобраться.

Ему хотя бы та железка была интересна. А мне вообще ничего интересно не было.

10. Скукотища

После обеда Анна Ивановна говорит:

– У меня малина в саду осыпается. Идите нарвите себе на варенье.

Дала нам пластиковое ведро, одно на двоих.

– Что нарвёте, – сказала, – всё ваше будет. Да смотрите, в середину не лезьте. И колко, и ветки поломаете. С края-то вам хватит ведро наполнить.

Привела нас к малиннику, учит:

– Вот такой, зелёной, не рвите. Только самую спелую, мягкую...

Малины, в самом деле, было видимо-невидимо. Одни ягоды уже переспели, попадали на землю, другие тоже готовы были упасть – вот их-то рвать и полагалось. Да осторожней с ними надо было... Иной раз только за ветку возьмёшься, а они уже сыплются вниз. А те, что неспелые, плотно держались – не стряхнёшь. Некоторые были такие мелкие, что их и не видно. Значит, цветок только что отцвёл, ягода завязалась...

Мы стали спелые обрывать. Костя сорвал одну – и сразу в рот её. Я тоже сорвала – и в рот. За другой тянусь. Малина – такая странная ягода, сколько ни ешь её, всё не наешься. Костя приспособился ртом обирать её с куста, как зверушка какая-то.

Я тоже хотела попробовать без рук. И вдруг Костя как выплюнет ягоду и ещё как начнёт плевать...

– Фу! – кричит. – Гадость!

И ничего больше, только:

– Фу, не могу!

И снова отплёвывается.

– Что-то твёрдое, – говорит, – попало, и до чего вонючее!

А это он жука чуть не съел.

Я после увидела таких жуков. Зелёные, плоские, на маленький листочек похожи. А запах-то от них! Ягоду в рот не возьмёшь, если такой поползал.

Костя говорит:

– Я этой малины больше не хочу.

У меня тоже пропала охота есть её.

– Давай, – говорю, – что ли, в ведро собирать, а то хозяйка рассердится.

Стали мы кидать малину в ведро. Дно быстро закрылось, а после нам скучно стало. Всё время одно и то же: потянулся, сорвал ягодку, кинул. Потянулся ещё, сорвал, кинул. Это кому угодно надоест.

Гляжу – на одной ветке сразу целое семейство поспело. Все крупные, яркие. Только уж больно высоко, над всей гущей малинника, выросли – выше всех.

Полезла я к ним, потянулась вперёд – и не устояла на ногах. Как стояла, так и упала животом на малинник. Колючки и сквозь платье меня достали, а локти, колени, щёки ведь и вовсе голые были. Слёзы у меня из глаз брызнули, руками лазаю по колючкам, ищу, на что опереться. А колючки дальше в руки впиваются. И там ещё крапива среди малины! Это же надо – одна колет, другая жалит...

Костя меня за плечи схватил, вытянул из куста.

– Не реви, – говорит, – хозяйка услышит. Она сказала – с края рвать, а ты полезла...

Вытер он мне слёзы каким-то листиком. А ещё листиков нарвал, чтобы их к царапинам прикладывать. Подорожника. Одна царапина у меня шла по руке от пальцев чуть ли не до подмышки. Другие хотя и короче были, но из них тоже кровь сочилась. Я стала прилеплять на все ранки подорожник, Костя помогал. Встала я, как ёлка, руки раскинула и стою, чтоб подорожник не осыпался.

Костя говорит:

– Долго так стоять будешь?

Я и не знала, долго, не долго. Я ведь раненая... А он приказывает:

– Давай дальше ведро наполнять. Велели же нам...

Схватила я за одну ветку, а она сломана. Здоровая такая, пышная ветка. А ягоды на ней сколько – и поспевшей, и только завязавшейся!

– Костя, – говорю, – это же я сломала! Что делать?

Костя тогда воткнул ветку в гущу малинника.

– Может, – говорит, – никто и не догадается...

Покидали мы ещё ягоды в наше ведро. Костя туда заглянул и ахнул:

– Ой, в ней жуки ползают!

– Вонючки? – спрашиваю.

Костя говорит:

– Нет, гляди: маленькие, чёрные. С оранжевым пятнышком... Давай-ка, – предлагает, – ты будешь дальше малину рвать, а я из неё жуков стану вылавливать!

Я согласилась. Жуков ловить – тоже работа. Я бы ни одного не смогла в руки взять. А Костя их запросто поперёк спинки берёт, из ведра вынимает. Они лапками двигают, будто бегут в воздухе.

Назад в малинник Костя не кидает их. Зачем – чтоб они снова в ведро попали? Костя для них лагерь устроил. Принёс какой-то мусор, щепки – обозначил границы на тропинке.

Да только жуки не понимают, что за территорию выходить нельзя. Он их сперва всех на середину сталкивал, потом решил вырыть ямку – вроде как нулевой этаж.

Дорожка в саду земляная – ровная, гладкая. Костя из кармана свою железку достал и в два счёта вырыл жукам убежище.

– На ночь, – говорит, – сделаю им крышу из веток. Пусть здесь живут и нам спасибо говорят. А пока устроим для них стадион.

Этой железкой он проложил на дне ямы дорожки. Да только жуки не понимают, что надо стремиться к финишу, ползут в разные стороны, карабкаются вверх. Костя поймал двух и говорит:

– Вот этот, побольше, мой будет, а этот твой.

Я тоже перестала малину рвать, села на корточки. Костя предлагает:

– Бегать не хотят – давай проводить жучиные бои?

Взяла я своего в ладонь, думаю: как же такого драться заставишь? Мелкие, безобидные они. И что я раньше жуков боялась?

– Давай, – говорю Косте, – лучше жучиный бал? Ты можешь для них замок построить?

Костя уточняет:

– Как в какой игре?

И называет две, на выбор. Там в них обеих какие-то замки были.

А я и не знаю те игры. Он меня разве пускал играть?

Я только плечами пожала. Костя говорит:

– Ладно, попробуем... Сначала фундамент...

И копнул поглубже своей железкой. Всего только разок. Вдруг Анна Ивановна рядом спрашивает:

– А кто это мне дорожку испортил?

Мы и не видели, как она появилась. Не было её, и вдруг уже здесь.

Вытягивает она из куста мою сломанную ветку с зелёными ягодами. Как только заметила её? А следом ещё сломанные ветки вытаскивает и ещё. Я и не думала, что их так много.

– Что, – спрашивает, – неинтересно работать?

Мы оба растерялись от её вопроса. У Кости тут же и вылетело:

– Неинтересно...

В самом деле, как это может быть интересно?

Она говорит:

– Ну, тогда идите, отдыхайте.

И тут на меня снова глянула – и запричитала:

– Я же сказала – с краю, с краю собирать! Ой, городские...

Царапины мои только сейчас увидела.

Сразу повела меня в дом.

– Вот мы их сейчас, – говорит, – перекисью водорода. Не пищи.

Хотя я и не пищала. Да мне и не больно было. Она прикладывала мокрую ватку туда и сюда, мазала мне руки и ноги. И ворчала:

– Сразу бы сказали, мол, не хотим малину собирать. Не надо, мол, нам её. Что лезть-то в середину было?

Наконец отпустила она меня. Вышли мы с Костей за ворота, сидим на лавочке.

У меня живот чешется. Наверно, там тоже царапины, под платьем.

Костя говорит:

– Как я ненавижу эту Липовку. И Макара ненавижу.

Ещё бы, думаю. Он же оказался ненастоящий.

Тут мне пришло в голову: а может, и остальные Костины друзья ненастоящие? И Хью, и Ли Джин, и Миша, и Ретт?

Спросила его об этом. Он говорит:

– Ретт точно настоящий. Жалко, что в Австралии и пожилой.

– А почему, – спрашиваю, – он настоящий?

Костя отвечает:

– Ну... Подробностей много, которые мы про него знаем.

Тут я плечами пожала:

– А что, сочинить ничего нельзя?

Костя рукой машет нетерпеливо:

– Да нет, тут не такие подробности, которые сочиняешь. Тут те, которые не специально рассказываешь, а так, между делом. Проговариваешься.

Да, думаю, так получается... Много чего мы знаем про Ретта. И Грандсон есть у него, и бараны, сразу три тысячи. А что мы про Макара знаем? Что ему всё интересно – в разных местах Земли и в космосе тоже. Что он мальчишка – голос не взрослый. И что дома его зовут «Ммммммм!». А потом ещё «Миу-миу-миу!!!».

Но это всё он Косте специально говорил. А не проговаривался.

И ещё он про Липовку говорил, что здесь рядом есть посёлок Кувакино и его школа там. И лагерь. Он знает эти места, наверняка. В Липовке школы и точно нет. Маленькая такая, совсем маленькая деревня...

11. Катенька

На улице не было ни души. Пыль смиренно лежала на дороге. Но вот я увидела, что за деревней, там, где дорога идёт в овраг, появилось облачко. Оно поднималось к нам из оврага, становилось больше. И вот уже в нём я смогла различить нечёткие, мутные фигуры со скобочками на головах – то ли рожки, то ли короны.

– Коровы к нам идут, – первым понял Костя.

Вскоре стадо было уже в деревне и двигалось мимо нас. С одного края коров подгонял старик, с другого – девочка в коротких чёрных шортах и белой маечке.

Видно было, что девочке нравится гнать коров. Она весело гикала. Коровы шли охотно, быстро, и выходило, что каждая из них знает, где живёт. Каждая подходила к своим воротам и испускала низкий, басовый звук, лишь отдалённо похожий на «му» из книжек.

Хозяйки выбегали встречать коров.

А если хозяйки медлили, девочка начинала звонко кричать перед воротами:

– Тётъ Наташа!

– Тётъ Лёля, пришли!

Только некоторые коровы мешкали, пытались напоследок ухватить пыльной травы или тянулись объедать листья с деревьев. Но у девочки, казалось, глаза были со всех сторон, она тут же оказывалась рядом.

– Вперёд, Ракета!

– Идём, Ласточка, на отдых пора.

У наших ворот девочка остановилась и, не поглядев на нас с Костей, набрала воздуха и как закричит:

– Баб Аня, иди Кралю встречать!

У неё получилось «бабаня». А мы-то хозяйку зовём Анной Ивановной.

«Бабаня» выскочила и, тоже не глянув на нас, заговорила:

– Спасибо, Катенька, напасла ты Кралю, ай как напасла!

И к этой своей Крале:

– С молочком вернулась, с молочком!

Видно было, что Катенька нравится Анне Ивановне гораздо больше, чем мы с Костей. Да мне и самой она понравилась. Мне тоже захотелось вот такие чёрные шорты в обlipку, и так же легко, хозяйкой, шагать по улице, и так же управляться с коровами, и звать их по именам: «Вперёд, Ракета!»

Я подумала, что сегодня же попрошу маму купить такие шорты. Может, они где-нибудь в деревне продаются.

Мама согласится. Она говорит: «Девочку должна интересовать одежда».

А после я подумала: ну, буду я в новых шортах. От этого всё равно не перестанешь бояться коров!

А если бы у меня и появилась откуда-нибудь Катина храбрость, то всё равно – кто мне позволит вот так же гонять стадо? И кто научит отличать Ракету от Крале и от Ласточки?

Между тем коров в деревне разобрали. Осталась одна рыжая в пятнышках. Она, видно, принадлежала девочке в чёрных шортах. Девочка гнала её снова к нам, уже с другого конца деревни. Поравнявшись с нами теперь, она остановилась перед нашей скамейкой. Постояла, стеснясь. И спрашивает:

– Ребята, а вы что, городские?

Так мы с Катей и познакомились.

Мы уже поняли, что она Катя, живёт в Липовке, пасёт коров.

А ей про нас всё надо было знать.

Откуда мы, сколько нам лет?

Кем мы приходимся Анне Ивановне?

А если никем, то почему тогда живём у неё?

– Мама в командировке в Собакине, – объясняю ей. – И нас привезла с собой, дышать свежим воздухом.

Катенька говорит:

– Понятно. И что ж вы у нас разместились, а не в Собакине?

Косте не хочется вспоминать, как его товарищ по игре обманул. Назвался Макаром из Липовки, а сам откуда – ищи-свищи.

Костя мнётся:

– Ну, знаешь, в Собакине не нашлось квартиры...

И Катенька удивляется:

– Что, правда? Никто и на квартиру вас не пустил?

Нам уже надоело на вопросы её отвечать. Надо же быть такой любопытной!

Мимо по улице женщина шла, в ситцевом платье и спортивных штанах с лампасами. На голове платок, а в руках тятка.

Я и не знала, что так по улице можно ходить. Растерялась, забыла даже, что в деревне надо со всеми здороваться.

А женщине мы, видать, тоже странными показались. Остановилась она и стала рассматривать нас, как каких-то зверушек.

– Катенька, – спрашивает, – кто же это с тобой?

И Катенька тут же давай пересказывать всё, что у нас выведала.

– Представляете, – говорит, – тётъ Марина, их в Собакине и на квартиру никто не пустил. Вот, наша баб-Аня только пустила...

Женщина тут заахала:

– Надо же, собакинские не пустили! А мамка-то к ним, к собакинским, в командировку приехала!

И наконец махнула рукой:

– Ну что ж, и живите у нас, раз баб-Аня вас приняла!

Как разрешение дала напоследок. И дальше со своей тяткой пошла.

Гляжу я на Катю и слова сказать не могу. Она же старше нас! Неужто ей никто не говорил, что чужим людям на улице нельзя всё выкладывать, что пожелают они узнать?

Костя тоже стоял огорошенный.

– Ты, – спрашивает, – всегда такая разговорчивая?

А Катя и не понимает, о чём он. Переспрашивает:

– Чего?

Костя в ответ сердито:

– Я, может, вовсе не хочу, чтобы мои дела все подряд обсуждали.

Катенька улыбнулась: а, вот он о чём! Успокаивает:

– Да это не все подряд! Это же тётъ-Марина. Она из нашей деревни. Да она вообще-то моей маме двоюродной сестрой приходится!

И смотрит – не поймёт, чем мы недовольны.

Сникла, растерялась. Теперь и не скажешь, что это та самая девчонка, которая так ловко управляется с громадными животинами и по деревне шагает хозяйкой. Девочка, которой мы восхищались, на которую я хотела похожей быть!

Ей, видно, не хочется, чтоб на неё сердились.

– Пойдёмте, – просит, – ко мне во двор. Гостями будете. Я только с Луной управлюсь.

Мы думали, что ослышались оба. Костя спрашивает:

– Как – с Луной?

А это у неё корова – Луна. Катя объясняет: подоить её нужно.

Мы с Костей переглянулись. Отчего бы и не пойти в гости? Чем ещё заниматься?

12. Нежная Луна

Во дворе у Кати оказалось примерно как у Анны Ивановны. Здесь тоже разбегались глаза. Какие-то сооружения, маленькие домики – баня, видать, сарайчики. Всюду громоздились доски, ящики. А в середине двора стояла миска, из неё цыплята клевали.

Катя заводила в сарай Луну. Луна шла медленно, переступала ногами – и будто втягивалась вовнутрь.

Мы с Костиком тем временем огляделись. У самых ворот увидели перекладину. И это было так похоже на турник, что Костя даже рассмеялся. Перекладина тянулась от ворот к столбу, врытому поодаль. Костя подпрыгнул, повис, подтянулся разок-другой. Спросил у Катеньки, точно шутя:

– Это у тебя что, турник?

Она кивнула смущённо.

– Да...

Костя заинтересовался:

– А кто на нём занимается?

Катя застеснялась ещё больше.

– Мальчишки наши, из деревни. Они вот так делают...

Она схватилась за перекладину, и вдруг её ноги оказались сверху, промелькнули над моей головой – одна, вторая, как раскрытые ножницы.

И вот она уже снова на земле стоит – а хвостик на голове ещё продолжает лететь. Ещё какой-то миг он торчит букетом...

И мне уж до того хочется вот так же уметь на турнике, как она!

Пожалуй, всё-таки попрошу маму купить чёрные шорты. Буду как Катя. Да если бы я хоть маленько была похожа на неё – ух, и гордилась бы я! А она снова смотрит на нас, будто в чём-то виновата.

– Вы побудьте, – говорит, – я к Луне пойду.

Костик остался, а я за Катей в сарай пошла. В сарае на гвоздике висел чулок. Катя взяла его и хвост Луны к задней ноге стала привязывать.

– Зачем? – спрашиваю.

Катя говорит:

– А она бьётся хвостом.

Я удивилась:

– Так они дерутся, когда их доят?

Катя точно оправдывается:

– Нет, не все. Это наша Луна такая нежная.

Ничего себе нежная, думаю. Хвостице у неё толще моей руки. Небось, как хлестанёт таким – с ног и собьёт. Не зря его привязывают.

Под животом у Луны вымя, из него четыре отростка торчат, длинные и толстые.

Катя принесла тазик с водой (всё-то в деревне тазики!) и стала тряпочкой Луне отростки протирать. А Луна топчется на месте, вихляется из стороны в сторону. Катя её гладит по рыже-белому боку. И этот замшевый бок под её рукой ходит, волнуется – живой. Луна громко дышит.

Я только решила тоже её погладить, Катя говорит:

– Лена, не обижайся на меня. Ты выйди, пожалуйста, с братом во дворе постой. Луна чужих чувствует. Она при тебе не будет доиться. Сама видишь, Луна у нас нежная...

Ну и подумашь! Сиди в своём сарае с Луной!

13. Умный Лёнчик

Костя во дворе учился подтягиваться на турнике и ноги высоко подкидывать. Пока никто не видел, он тужился изо всех сил, и лицо у него такое делалось, что я чуть не фыркнула.

Из сарая слышалось, как Катя уговаривает Луну смирно стоять и хвалит:

– Вот ты какая умница!

Вскоре Катя вышла из сарая с ведром, понесла его в дом. Возвращается, в обеих руках несёт по кружке:

– Вам молочко...

Молоко тёплое оказалось, странное. Густое, травой пахнет. Я закрыла глаза и – раз-раз его быстрыми глотками.

А Костя глотнул разок и стоит время тянет. Спрашивает:

– А кто, говоришь, на этом турнике занимается? Твой брат?

– Ну да! Я же говорю, брат, Шурик, – откликается Катя. – Это Лёнчик сказал, что нам турник нужен. Не только в школе, но и дома, в своей деревне. В школу-то, в Кувакино, каждый раз не побежишь! Вот дедушка и сделал, как он нарисовал...

– А что же в вашем дворе, а не у того... у Лёнчика?

Катя плечами пожимает:

– Так ведь мой дедушка! А Лёнчику кто сделает? У него ни отца, ни деда нет, одна мама, тётъ-Наташа.

Косте вообще-то неинтересно про Лёнчика. Он спрашивает на всякий случай:

– А Макар у вас есть в Липовке?

Катя докладывает:

– А то! Дед у меня Макар – это раз. Дальше – Петровы грудного своего назвали Макаром...

Костя говорит:

– Грудной – это не считается. А из больших?

Катя плечами пожимает.

– Дед...

Потом добавляет:

– Ещё папу у Лёнчика Макаром звали. Макар Михалычем.

– Нет, это не то, – отмахивается Костя.

Катя не понимает, о чём он. Да и с чего бы ей понять?

– Лёнчик, он, – говорит, – знаете какой умный! И сильный. Он из района кубок привёз!

– Какой кубок? – спрашиваю.

Катя отвечает:

– А спортивный!

Сама вся так и светится. Не иначе, думаю, нравится ей этот Лёнчик. Может, для того и научилась кувыраться на турнике, чтобы он на неё внимание обратил.

Она видит моё недоверчивое выражение, горячится:

– Да он и по математике лучший! И в компьютерах Лёнчик разбирается. Андрей Олегович его одного пускает за компьютер, дома у себя!

Костя уточняет:

– Кто его пускает?

Катя отвечает нетерпеливо:

– Я же говорю, Андрей Олегович, наш физик! Он говорит, такого мальчика ещё не видел... Другим-то учить надо, зубрить, – а Лёнчик всё понимает с ходу...

Катя путается в объяснениях:

– В школе компьютерный класс не работает, каникулы... Я слышала, Андрей Олегович Лёне говорил: «Если что надо, приходи ко мне...» Сам он не в Липовке, в Кувакине живёт. Так Лёнчик к нему, если что, напрямик, полем – чтобы не через Собакино идти. Всего-то за час укладывается...

Костя спрашивает:

– А зачем к учителю ходить?

Катя поглядела с обидой.

– Как – зачем? Он за компьютером хочет посидеть, в интернет выйти...

Тут до меня дошло: своего компьютера у Лёнчика-то нет.

И у Кати, должно быть, нет.

Костя отпил молока, чтобы так просто не стоять. А после спрашивает:

– А где сейчас твой Лёнчик?

Катя сразу вспыхнула:

– И вовсе он не мой!

Костя ещё больше растерялся – чего это она?

Это я вижу, что Катя в этого Лёнчика влюблена. А Костя, хоть и старше меня, ничего не понимает! Думает, что она просто к словам придирается.

– Ну ладно, – говорит миролюбиво. – Не твой. Он что, сейчас у того учителя, в Кувакине?

Катя отвечает:

– Ты что! Учитель в отпуске, нет его в Кувакине с прошлой недели! Поехал, небось... – она сделала значительное лицо. – Поехал, небось, в Санкт-Петербург, он там учился...

Костя перебивает:

– Нет, ты скажи, а Лёнчик?

Катя ему:

– Лёнчик работает, понятно. Летом все работают...

Я спрашиваю:

– Что, тоже коров пасёт?

– Нет, – отвечает Катя, – он у Михал Григорича в хозяйстве... Михал Григорич на лето всегда берёт ребят: хозяйство-то большое – и на грядках, и за скотиной...

Костя говорит:

– Что, так целый день и работает?

Катя кивает:

– Ну да... Иной раз только на пруд сбегают мальчишки, окунутся – и опять на грядки. Да и сено заготавливают уже, пора. Они с большими косят – чтобы на зиму сено-то...

Катя вдохнула воздуха и зачастила снова:

– Но и платит он хорошо, Михал Григорич. Тёть-Наташа в прошлом году говорила, Лёнчику купили пуховик, кроссовки, в школу его собрали – всё на его же заработанные деньги...

Она загибала пальцы – что ещё купили Лёнчику. У меня уже голова затрещала от всех вываленных нам сведений.

Когда мы выходили, вдогонку неслось:

– Лёнчик – он и на тракторе умеет!

14. Утро мудренее

Выскакиваем на улицу, а там как раз мама идёт.

– Что, – спрашивает, – уже в гостях были?

И начинает рассказывать: в Собакине, оказывается, такая красота! Собакино с Липовкой не сравнить. Тротуары там вымощены плиткой, и везде клумбы с цветами. А какая гостиница при опытном хозяйстве! Душ есть, горячая вода – как в городе.

И оказалось, вполне можно было договориться, чтобы нам с Костей тоже в гостинице пожить.

А можно бы и на квартире.

Какой там отзывчивый, добрый народ!

Одна тётяшка местная – она в хозяйстве лаборанткой работает – сразу предложила маме перебраться к ней. Вместе с нами, конечно. Где это видано, говорит, чтобы из Липовки пешком шагать на работу и с работы? У нас, что ли, некому на квартиру вас принять?

Костик спрашивает:

– Ну что, переселяемся?

Мама вздыхает:

– Теперь-то куда нам? Анна Ивановна приняла нас всей душой. Уйти – значит обидеть её.

Да и друзья у вас уже появились, как я погляжу. Осваиваетесь понемногу! Так что уж как-нибудь проживём здесь до конца недели.

Пошли мы в дом к Анне Ивановне. Она точно услышала, что мама не хочет её обижать. Обрадовалась нам, стала накрывать на стол. Мама выкладывает из сумки, что купила на работе. Котлеты, пирожки. Анна Ивановна, гляжу, миску с малиной несёт.

– Вот, – говорит маме, – Костя с Леной сами собирали. Уж до того молодцы дети, до того работающие...

Мы переглянулись. Она что, с ума сошла? Она же нас сама из сада выпроводила из-за того, что мы работать не хотели. А тут угощает маму ягодами и нас нахваливает!

Я вглядываюсь в её лицо, пытаюсь понять: шутит, может? Но нет, лицо серьёзное.

Мама поддакивает: уж до чего приятно слышать, что мы молодцы! И думает, что ёрзаем мы на стульях, оттого что стесняемся.

Наутро просыпаюсь – в комнате светло. На дощатом полу солнечные полоски наискосок, через всю комнату...

Понятное дело, вчера мы не захотели снова спать на сеновале, и хозяйка нам постелила в комнате.

Сейчас здесь уже никого. Мама, должно быть, ушла на работу. А Костик? Где Костик? Оделась я, выхожу во двор.

Там Анна Ивановна цыплят кормит.

– Тихо, – говорит мне, – в сад не ходи.

А сама подмигивает.

Я не понимаю:

– Почему не ходить?

А она:

– Там Костик работает. Утро-то мудренее. Вот он с утра и поправляет вчерашнее. Давай как будто мы не видели ничего?

Меня, конечно, разобрало любопытство. Я сделала вид, что не собираюсь в сад. Вышла за калитку, прошла улицей и гляжу через забор: там Костик и впрямь возится, что-то делает на дорожке возле малинника. Я пролезла между перекладинами забора, подхожу, смотрю. А он,

видать, на дороге нагрёб мелких камешков и теперь вчерашнюю ямку засыпает, заравнивает. А после ещё топчется сверху, чтобы плотней лежали.

Я спрашиваю:

– Это хозяйка заставила тебя зарывать?

– Нет, – отвечает Костик. – Это я сам. Она и не видела ничего.

И просит:

– Не надо, чтоб она видела. Ты тише говори, ещё услышит...

15. Кто чей крестник

После завтрака мы решили пойти погулять.

Анна Ивановна велела нам без старших не купаться.

Об этом она могла бы и не говорить. Во-первых, дома мы занимались в бассейне. Я – год, а Костя – целых два года. И про то, что в воду можно только под присмотром, нам все уши пожужжали.

А во-вторых, мы не собирались залезать в их грязный пруд. Потерпим до города, а там можно будет на пляж сходить.

Мы закивали:

– Не, мы не будем!

Она говорит:

– И не ходите далеко.

Мы обещаем:

– Не пойдём!

Она поглядела на нас в сомнении и говорит:

– Отправлю-ка я с вами Пальму! И мне спокойней, что вы с провожатым, и Пальме радость. А то сидит на привязи – забыла, когда бегала...

Но если Пальма и забыла, то теперь сразу вспомнила, как бегает. Она так и летала мимо нас вперёд-назад по улице. То скроется далеко впереди в облаке пыли, то уже мчится нам навстречу, громко дыша. Налетает на тебя со всей скорости, ты так и садишься в пыль. А она тычется в тебя, пасть открывает. Ты жмуришься от страха – и чувствуешь, как Пальма тебя вылизывает. А ты барахтаешься, поднимаешься кое-как, просишь: «Пусти!» – и вдруг видишь: нет её! Только что здесь была, а уже только облако на дороге.

Моргнёшь – а Пальма навстречу по улице бежит, снова издалека к тебе.

Улица была длинная, прямая – по такой только и бегать. Мы тоже немного пробежались, но с Пальмой нам было не тягаться.

Так мы – всё прямо, прямо – дошли до магазина.

У магазина на скамейке сидели несколько старушек. Они велели нам занимать очередь за ними: скоро свежий хлеб привезут. Но мы сказали, что нам только посмотреть, и вошли вовнутрь. А Пальма ещё побегать осталась.

В магазине стоял полумрак. Летали мухи. С потолка свисали жёлтые ленты, сплошь обклеенные мухами. Несколько мух сели мне на руки и колени. Я согнала их, но они сразу же уселись снова. Так что всё время надо было подёргиваться, пока рассматриваешь, что там есть в магазине.

По левую сторону от входа громоздились консервы, мешки с крупой и бессчётное количество бутылок в ящиках и на стеллажах рядами. По правую сторону прямо на полу стояла коробка с мылом, рядом – деревянный ящик, полный гвоздей. В углу были горой навалены галоши. Висели ситцевые платья, стояли кастрюльки, чашки. На полке под потолком блестели стаканы и графинчики. И к этой самой верхней полке были пришпилены два белых банта, какие носят первоклассницы. Ну, знаете, такие – каждый размером с полголовы?

На всём этом хозяйстве была одна только продавщица. Худая и в очках (мы с Костей даже переглянулись: совсем как мы!).

Я хотела спросить чёрные шорты. Вечером мы бы зашли с мамой и купили. Но продавщица всё не замечала и не замечала нас. Она беседовала с какой-то женщиной, как будто никого, кроме них двоих, и не было. Женщина стояла навалившись на прилавок – крупная, целая гора, втиснутая в обрезанные джинсы и в майку.

От женщины-горы остро пахло потом. Голова её была обвязана платком.

Я стояла рядом и думала, как не идёт ей платок. Неужто она никогда в зеркало не смотрится?

– Спрятала бы ты эту красоту, пока её не засидели мухи, – между тем учила крупная женщина продавщицу. – А то обидно будет, если такие банты мухи засидят.

– Но тогда их никто и не увидит, – возражала худая продавщица. – Кто же их купит, если их не будет видно?

– А их и так никто не купит, – предсказывала крупная женщина. – Кому их покупать? Детей-то – считай нет! Мой, да ещё Шурик Малинин, да Серёга Ужов. Все мальчишки. Катька Малинина – так та невеста уже, ей помаду покупать, а не банты. И всё. Дети-то в деревне не больно родятся. Вырастут наши – кто останется?

Тут продавщица не согласилась с ней:

– Как так – детей нет? А Макар? Макарка? Про крестника забыла?

И гостья в ответ ей расплылась, заулыбалась:

– Да, как же, Макар, Макарчик, да, крестник мой... Но ведь он мальчик, ему банты зачем!

И тут же пустилась рассказывать:

– Знаешь ведь, Настасья, как так вышло, что он Макарка? Это уж я племяшей умолила, Юрку с Галкой, чтоб если мальчик, то назвали бы Макаром. В память моего Макара Михалыча...

Женщина громко всхлипнула.

– Да мне рассказывали, Наталья, – поспешно сказала продавщица. – И Валька Петрова у меня была, и баб-Галя рассказывала, как ты к ним ходила...

Наталье, видно, не понравилось, что её перебивают. Она шумно вздохнула и сменила тему.

– А банты всё ж таки ты, Настя, убери. Испортишь ведь. Мухи засидят, не отстирается.

И стала возмущаться:

– Понавезут вечно, что не нужно! Девочек нет – а банты привезли. Нет чтоб сандалий привезти! У моего Лёньки сандаля порвалась. Он её ленточкой подвязывает. Видала, нет? Так ведь и ходит с ленточкой.

Настя предложила:

– А ты бы в Собакине сходила в магазин. Или в Кувакине. Там в универмаге обувной отдел...

Наталья махнула рукой:

– Без Лёньки-то не сходишь, обувь мерять надо. А Лёнька что ни день – с утра до ночи на работе. А бывает, там в хозяйстве у Михал Григорича и ночевать останутся, с Шуркой Малиным.

И тут же сообщила доверительно:

– Но и платит он хорошо, по совести, Михал Григорич...

Мы с Костей сами могли бы продолжить – рассказать, что неизвестному нам Лёне купили на заработанные деньги в прошлом году. Мы уже поняли, что это мама того мальчика, про которого Катя вчера так горячо говорила: «Он не мой, не мой!» – и голос у неё прерывался. Всё совпадало. И отца звали Макар Михалычем – а сейчас его больше нет. И... всё остальное.

Странное дело! В деревне что, положено всё подряд рассказывать – и друг про друга, и про самих себя?

Нам с Костей надоело ждать, и мы вышли из магазина. Никто так и не поинтересовался, что нам надо было.

Зато Пальма как нам обрадовалась! Она уже устала дожидаться и теперь прыгала, как олень, на длинных ногах. И я, увидев её, сама не заметила, как тоже стала прыгать и хлопать в ладоши. А Костя закричал, как кричат индейцы:

– У-ва-ва-ва-ву!

Когда кричишь громко и хлопаешь ладонью по губам, так получается. Это сигнал индейцев, папа нам показывал. В детстве они играли так, папа с друзьями...

Тут же за ближним забором показалась женщина. Вышла на сигнал.

Спрашивает:

– Это вы, что ли, к нашей баб-Ане приехали? К Анне Ивановне-то? Я слышала, у неё остановились городские...

И облокотилась о перекладину в предвкушении разговора.

Мне сразу стало тоскливо.

Тут Костя ей скороговоркой ответил:

– Приехали! К Анне Ивановне!

И, спохватившись, добавил:

– Здравствуйте!

Схватил меня за руку – и мы бросились вперёд по улице.

Пальма – за нами.

Но, конечно, она сразу нас обогнала.

16. Счастье

Деревня быстро кончилась. А мы всё летели вниз по просёлочной дороге, а потом забрались вверх, на холм.

И с холма там такое открывалось, что это – счастье было.

Я потом, в городе уже, вспоминала: вот это было счастье! Кажется, что ты летишь над всеми холмами в этом воздухе, наполненном запахом трав. Твои волосы и плечи касаются этого особого воздуха, ветер шумит. Ты кружишься на холме, платье раздувается – и не нужны тебе никакие чёрные шорты. А потом, уже совсем закружившись, падаешь в траву – и мир переворачивается, холмы встают там, где было небо. И кажется, ты чувствуешь, как Земля кружится.

Где-то далеко, на склоне другого холма, паслось стадо. Крошечное отсюда. И совсем маленькими были фигурки пастухов. Я стала отгадывать, кто из них Катя. А потом подумала, что, может, это совсем другое стадо, не липовское. Почему-то вспомнила Ретта с его Гранд-соном и представила, что всё под нами занято колышущимся морем – везде, куда ни глянь, сплошь спинки, спинки овец. Над ними возвышаются всадники...

Почему Катя не пасёт коров верхом на лошади? Она бы смогла – такая спортивная!

И ещё я подумала: вот если подняться высоко-высоко, то можно ли с ходу различить, где Липовка, а где Австралия или другие места Земли? Если стоит лето, всё зеленеет и не понять издали, какие в лесу деревья, и домов тоже не видно...

Я спросила об этом Костю. Он сказал, что всё дело в рельефе. Где-то под тобой будет совершенно ровная площадка, её с нашей местностью не спутаешь... Но можно найти и такие, как у нас, места: чтобы всё время холмы, холмы...

Пальма лежала на вершине холма рядом с нами. А потом, когда мы решили дойти до леса, она помчалась вперёд и скрылась среди деревьев. И всё – нет её. Как будто она только и ждала момента, чтобы удрать в лес.

Мы звали, звали её. Потом я спросила:

– Как ты думаешь, она сможет найти дорогу домой?

Костя успокоил меня:

– Она же собака...

Так мы всё шли, шли, то сбегая вниз, то поднимаясь наверх с разбегу. И вдруг между двух холмов нам открылось...

Под нами, внизу, был чудесный пруд!

Его берег был усыпан песком.

Там и здесь стояли разноцветные грибки от солнца.

И ни души.

В стороне виднелись домики – какое-то село.

– Это Собакино, – сказал Костя. – Собакинский берег. Оказывается, мы сделали крюк!

Мы обошли пруд, сами того не заметив. На этот берег нас не пустила вчера Анна Ивановна.

А теперь никто не мог бы нас не пустить!

Конечно, мы обещали не купаться! Но кто бы устоял, если жаркий день и перед тобой такой уютный, такой чистый пляж? А плавать мы умеем, мы же занимались в бассейне!

17. Ёжик солёный

Мы скорее разделись – и в воду. И уж кричали и брызгались как никогда. Никто же не видел нас. Разве что Пальма. Она примчалась откуда-то и носилась теперь по берегу. Мы пытались и её затянуть купаться, но Пальма никак не шла в воду. Мы тащили её вдвоём, а она упёрлась передними лапами и вдруг стала тоненько пищать, точно обиделась. Мы и выпустили её. Пальма тут же умчалась с берега, а мы снова полезли в пруд.

И только когда мы уже накупались так, что руки-ноги дрожали, оказалось – нас видели! Мы лежали, зарывшись в песок. Не хотелось ни разговаривать, ни думать.

И тут вдруг откуда-то раздалось:

– Р-р-р! Гав! Гав! Р-р-р! Гав!

И сразу понятно было: это не собака, это человек дразнится.

И верно, лаял какой-то паренёк.

Он появился неожиданно. Мы увидели, как он поднялся из ложбинки между холмов, а за ним – ещё двое. И что они хотели от нас, было понятно сразу – по их лицам. Я подумала: вот такие когда-то доводили папу: «Эй, очкарик!»

– Очкарики собакинские! – сказал один парень.

Он захватил под ногами у себя пригоршню грязи, тут же слепил комок и кинул Косте в лицо.

Костя опешил.

– Ты что...

Снял очки – у него минус шесть, потянулся за майкой, чтоб протереть стёкла, и тут в него другой комок полетел, и меня тоже стукнуло что-то в грудь, а потом сразу в подбородок. Стало больно, и на зубах закрипел песок.

– Попробуйте, собакинские, нашей грязцы, – сказал другой, чернявый, улыбаясь во весь рот.

Костик вскочил на ноги. Я знаю, каково это, без очков: всё мутное. Но врага, подошедшего к тебе вплотную, ты видишь ясно. Костя поднял руку, защищаясь от одного. Но их уже трое рядом – неясно, на кого смотреть... И тут я закричала, как только могла:

– Не трогайте его!

Вцепилась одному в майку – и тут же отлетела в песок. Ногу внутри чем-то кольнуло, сразу от пятки до живота. Я громко вскрикнула.

Парень, который меня толкнул, глянул сверху. Сказал беззлобно, скорей с удивлением:

– А ты не лезь. Видишь – мужики говорят между собой!

Как будто Костя мечтал с ними поговорить!

Когда я подняла голову – увидела, что он тоже лежит. Нет, он ползёт – туда, где лежат его шорты! И вот уже... У него в руках железка, которую он нашёл вчера. Которой вырыл яму в саду, в малиннике.

Ею не только рыть землю можно! Костя вскочил на ноги – и держит её перед собой. А двое мальчишек прыгают вокруг него, боясь приблизиться. Я видела: им жутко, и в то же время их охватил весёлый и злой азарт. Как будто это игра такая – «повали Костю». И – не получи при этом железкой по мозгам. Им в удовольствие прыгать вокруг него, пружинить сильными ногами... Каждый старается вытянуть ногу так, чтобы Костинову ногу зацепить, чтобы он снова упал.

А третий, чернявый, гляжу, поднимается и растирает бедро – Костик, что ли, сбил его с ног? Всё так быстро, что я вижу происходящее только кусками, кадрами... К Костику парень подходит сзади, пока двое отвлекают его...

Я думала, что с места сдвинуться не смогу, так ногу зашибла. Но нет, оказывается, я прыгнула, и я уже на спине у парня сижу! И тереблю его за уши, он орёт и вертится волчком вместе со мной.

И тут... Пальма, Пальмочка прыгает на грудь одному из тех двоих, что пытаются Костика свалить. И валит его самого в песок!

А его дружок отпрыгивает сам, как будто у нас есть ещё одна собака.

Так, Пальма, так!

– С ума, что ли, сошли! – кричит нам тот, что лежит под Пальмой.

Приятеля не собираются его выручать.

Пальма – это не то что мы с Костей. Она упёрлась ему в грудь передними лапами, прижала к земле. Слюна капает ему на лицо. Парень слабо шевелится.

Я вижу, что одна сандалия у него подвязана синей ленточкой. Ленточка обвивает и ступню, и щиколотку. Спереди перекрещивается.

Новые сандалии в магазин никак не завезут!

Он дрыгает ногой в подвязанной сандалии.

Я смотрю – и не знаю, что делать. Думаю: «На его месте я бы со страху умерла!»

Но он живой. Он вроде даже постарался успокоиться. Собака не должна видеть, что её боятся...

Мне показалось – или он в самом деле что-то сказал Пальме, тихо-тихо?..

Парень видит, что я смотрю на него. И он старается теперь поймать мой взгляд. Он поднимает голову с песка...

Если глаза встретятся – значит, я стану с ним разговаривать. По-человечески...

Как будто они по-человечески к нам подошли...

– Ну что, мир? – спрашивает парень.

Он уже взял себя в руки. Выровнял дыхание. И говорит так, точно стоит рядом с нами. Точно не под собакой, примятый, на песке лежит.

Смотрит на нас так, будто мы какие-то правила нарушили.

Костя щурится; я знаю – без очков чувствуешь себя беспомощным. Он только догадываться может, что вот это пятно – Пальма... И вдруг он жёстко, по-хозяйски говорит:

– Ладно, Пальма, назад.

И парень тогда садится и выдыхает:

– Пальма? Ёжик солёный! А я-то смотрю... Это баб-Анина Пальма.

И у меня само вырывается:

– Ёжик солёный!

Так, что все три наших врага оборачиваются к нам.

Костик вздрагивает.

Не зря мы брат и сестра! Я вижу, что он понял!

Но надо проверить.

Большая собака подарила мне ощущение странной силы, уверенности, какой я раньше не знала. Никогда мне не приходило в голову командовать кем-то. А теперь – запросто...

– Ну-ка, – говорю я этому, с ленточкой на ноге, – скажи снова: «Ёжик солёный!»

Мы же слышали, как он говорил «ёжик солёный» в микрофон!

А камера у него не работала, и мы ни разу его не видели.

– Ёжик солёный, – растерянно повторяет парень.

И Костя выдыхает:

– Ты Макар из Липовки!

Тот парень, что хотел ударить его сзади, начинает услужливо объяснять:

– Он Лёнчик. Лёней его зовут! Но – да, да, он из Липовки.

– Это бабанина собака, – снова говорит Макар. То есть Лёнчик.

А третий парень, чернявый, в растерянности кивает на нас:

– Это же наши, липовские. Я понял – командировочные они, те самые. Их с мамкой в Собакине и на квартиру никто не пустил.

И тот, что сзади напасть хотел, подтвердил:

– Ну да, тётъ-Марина моей мамке рассказывала. Их одна баб-Аня пустила.

Костя, сидя на корточках, зачерпывал воду из пруда – умывался. Чернявый держал его очки. Лёнчик, бывший Макар, спрашивал у меня:

– Что ж вы не сказали, что вы не собакинские?

18. Недоразумение

До Лёничика не сразу дошло, что Костя и есть тот парень, с которым он в тазоголовых играл и кому хвастался, что космонавт помахал ему. Тот Костя был в виртуальном пространстве, а этот – здесь.

– Я же писал тебе, что приезжаю! – втолковывал ему Костя.

– Когда писал? – не понимал Лёничик.

Костя начинал припоминать.

– Да утром, перед автобусом. Позавчера, в понедельник...

И было странно: всего-то позавчера мы были в городе! Мне вдруг показалось, что мы живём в деревне давным-давно.

– Позавчера! – отозвался Лёничик. – Да я уже три недели компьютера не вижу. С тех пор, как Андрей Олегович уехал в отпуск. Он мне хотел ключи оставить, да я говорю: куда мне летом? Не до компьютера же, работать надо.

Он поглядел на свои руки.

– Пальцы, – говорит, – стали такие, что осенью по кнопочкам не буду попадать.

Руки у него и впрямь были тёмные, загрубевшие. Под ногтями грязь. Он поднял обе руки, чтобы мы лучше видели. И Пальма, лежавшая спокойно, тихо зарычала на него. Мало ли, с чего это он руки протягивает...

Видать, Анна Ивановна так чётко объяснила ей, что мы свои, что Пальма и усвоила сразу назубок: нас надо защищать.

– У, псина, – сказал один из Лёничиковых товарищей.

Я тут же съязвила:

– Да уж, не повезло вам, что мы с собакой!

Костя погладил её между ушей.

– Пальма спасла нас.

Лёничик кивнул:

– Она всех спасла. Ты бы нам головы пальцем раскроил. А потом самому пришлось бы отвечать...

Я, кажется, одна заметила, как он сострил. Совсем не смешно. Как будто Костя такой герой, что одним пальцем их бы победил. Все видели – у него железка...

Костя сказал:

– Это – оборона.

Лёничик подумал и стал оправдываться:

– А что обороняться? Не собирались мы вас бить.

Чернявый ему поддакивает:

– Так само вышло. Мы ведь только пугнуть хотели, как всегда.

Лёничик объясняет:

– Собакинских пугнёшь, когда их мало, – они и улепётывают...

– Собакинские – слабаки, – поддерживает его чернявый. – Вот у них пляж, а ты скажи, кто у них плавать-то умеет?

Как будто Костя знает хоть кого-то из собакинских.

– Они и на турнике не могут, – злобствует чернявый. – Хотя у них площадка... В школе Максимов повиснет на турнике и ногой делает вот так...

– Да ладно тебе, Игорь же всё может, – перебил его Лёничик. – И Андрей Еловых...

Чернявый нехотя согласился:

– Ну, только они двое.

И снова к нам повернулся:

– А тут гляжу – странные собакинские что-то. Дерзят нам...

– Ага, – подтвердил и третий их товарищ. – Мы думали, они забыли, с кем говорят. Пора напомнить... Это вышло...

Он задумался, припоминая слово.

– Это. Вот. Недоразумение.

Я уже поняла, что Лёнчик в их троице главный. Того чернявого, что лаял по-собачьи, а после удирал, Шуриком звали. Это оказался Катин брат. А того, что сзади напасть хотел, звали Серёгой Ужовым. У него было тонкое, красивое лицо. Длинные пушистые ресницы – хлопьями вокруг глаз. Такие ресницы – мечта любой девчонки.

С его лицом только в кино сниматься. Конечно, если бы оно было не такое глупое.

Серёга поймал мой взгляд, смутился. Буркнул:

– Сами виноваты. Надо было не молчать, что вы никакие не собакинские...

Нога у меня болела всё сильнее. Только что я могла на ней стоять и даже прыгать. Прыгнула же на этого... Серёгу... Но теперь до неё стало больно даже дотронуться. У щиколотки она опухла. Я села в траву и не представляла, как стану подниматься от пруда на холм.

Лёнчик предложил Косте как-то сцепить руки и сделать что-то вроде кресла для меня. Мне велел сесть к ним на руки и обхватить их за шеи. И так они двое, шатаясь, стали подниматься.

Пальма теперь шла рядом с нами, поглядывала на меня. Её не тянуло больше носиться...

Лёнчик был выше Кости, и кресло получилось неровное. И поднимался он быстрее. Они никак не могли подладиться в ногу. Лёнчиковы товарищи убежали в хозяйство, где они все работают. Они же только искупаться приходили.

Шли мы так – вверх и вниз, кто шёл, а кто ехал. Мне всё время казалось, что я сейчас свалюсь.

Я уже совсем было рот открыла, чтобы сказать:

– Пустите, сама пойду...

А после передумала. Если меня не надо будет нести, то Лёнчик, пожалуй, тоже побежит на свою работу. И они с Костей так и не помирятся. И не поговорят толком.

Хотя им и теперь было не поговорить, они только дышали громко, да Лёнчик иногда бросал Косте:

– Ты эту руку – ниже... Ты вот так держи...

И я думала: ещё немного он с нами побудет. Костя ведь так ждал, когда они встретятся. На вершине холма остановились передохнуть. Лёнчик мотнул головой.

– Там – поле у Михал Григорича. Видите, где трактор ездит?

Костя спрашивает:

– Там – твоя работа?

Лёнчик кивает.

– Ну да, Михал Григорич каждое лето мальчишек нанимает. Дел-то в хозяйстве много, он сам себе целый колхоз...

– Кто сам себе? – спрашиваю.

Лёнчик смущается.

– Ну, это наши говорят, в деревне. У него и лошади есть...

Костя говорит:

– Так ты и на лошади можешь ездить?

А Лёнчик:

– Не знаю, я только на Рыжем ездил. Рыжий смирный, старик уже. Так мне всегда его и дают, а на других я не пробовал... Михал Григорич, он говорит, хочет спокойным быть за ребят, поэтому только Рыжего можно брать, а Стрелу нельзя. И я не знаю, умею я на коне верхом или на одном только Рыжем...

Костик только хотел ещё что-то спросить, а Лёнчик сам спрашивает:

– А вы на сколько приехали?

Костя говорит:

– В пятницу – назад.

И вздыхает тяжело.

Как будто, если бы мы подольше оставались, он тоже бы с мальчишками стал в поле работать – за компанию.

Может, его и принял бы тот неизвестный нам Михаил Григорьевич. Костю бы научили грядки полоть и траву косить. А может, и на Рыжем бы дали прокатиться, Рыжий смирный. И Костя бы ездил на нём – только зачем, куда? Я толком не представляю. Люди здесь живут какой-то непонятной нам жизнью.

А Лёнчик что-то про нас не может понять.

– Подумать только, – говорит мне, – вы взяли и приехали в Липовку. Просто так – взяли и приехали.

Понятно же – мы не просто так. Мы с мамой. У мамы командировка. Но Лёне кажется, что мы какие-то особенные люди... Свободные как ветер.

19. Всё видно-слышно

Анна Ивановна во дворе была. Увидела нас – руками замахала:

– Ходите, где не нужно! Вот вас собакинские-то и отделали...

И смотрит на Лёнчика, чтоб он подтвердил: нечего далеко от дома уходить!

Лёнчик смешался:

– Это не собакинские, баб Ань... Мы же не знали...

Хозяйка поглядела озадаченно. Спрашивает Костю:

– Так что ж вы не сказали, что вы не собакинские?

И велела нам с ним в доме сидеть.

Лёнчик на свою работу пошёл.

Хозяйка тоже выскочила за калитку. И сразу вернулась с какой-то женщиной. Та прежде всего велела нам звать её «тётъ-Светой», а после принялась ногу мою ощупывать.

Я сморщилась – думала, она сейчас её мять начнёт. Но тетя Света пробежалась по моей ступне и по лодыжке лёгкими пальчиками и сказала:

– Через день-два снова будешь прыгать.

И попросила у хозяйки лоскут, чтобы потуже перебинтовать.

Пока она бинтовала мою ногу, мама вернулась из Собакина. Сразу заахала, стала теревить меня и Костю. Спрашивает у хозяйки:

– Как думаете, есть смысл сходить к родителям этих хулиганов? Или там родители такие же, как дети?

Анна Ивановна плечами пожимает.

– Что родители? У Лёнчика родителя доставили прошлой осенью – в гробу. Макар Михайлыча. На стройке, говорят, с лесов упал. В город на стройку наши подражаются, дома не больно зарабатывают...

Но маму ей так сразу не разжалобить. Она спрашивает:

– А мать у него есть? У Лёнчика вашего? Кто-то же отвечает за него?

Хозяйка ей:

– Да Лёнчик сам и за себя, и за мамку отвечает. Двое их с мамкой-то...

Наша мама теряет:

– А остальные, кто их бил... Нельзя ведь, чтобы это осталось безнаказанным!

Я тогда встречаю:

– Мама, мы ведь все помирились!

И Костя за мной:

– Мы помирились!

А мама – сердито ему:

– Ты на сестру погляди! Приехали на отдых! Мало того что исцарапанная вся, так ведь ещё и хромает теперь – какой-то негодяй толкнул...

Наша хозяйка маме обещает:

– Без наказания точно не обойдётся. Выпорют кое-кого, уж как пить дать, выпорют. Малинины с дедом живут, Шурка и Катька. У деда характер незлобивый, ласковый. Так, пожурит... А вот Серёге Ужову отец, не сомневайтесь, выплет по первое число.

Но маме хочется, чтоб было наверняка. Она волнуется:

– А кто же его отцу расскажет?

Тут и хозяйка наша, и тётъ-Света – обе усмеваются.

– В деревне, – говорит хозяйка, – и рассказывать ничего не надо. В деревне и так всё видно-слышно...

Тётъ-Света вторит ей:

– Так, так! Ужовы в соседях у меня. Ирина у своего Серёги уж выясняла: что ж не спросили – наши, не наши ли? Написано, что ли, на тех ребятах, что они собакинские? На ваших-то... – кивает она маме.

А мама не понимает:

– А при чём здесь – собакинские? Тех, что ли, можно бить?

Анна Ивановна смеётся:

– Так наши-то с собакинскими всю жизнь воюют. А теперь ещё и какой пруд им сделали! Ваше как раз хозяйство постаралось. Опытное! А нашим ребятишкам, может, тоже хочется – на жёлтый песочек... Вида не подадут, ан хочется, чтобы по-городскому – пляж.

Тётъ-Света добавляет:

– Да и до пляжа всяко было... Спокон веку. Как вырастают – невест берут: липовские – в Собакине, а собакинские – в Липовке. А пока ребятишки – бьются...

Мама поморщилась. И гостья стала её утешать:

– Но вы не волнуйтесь, Ирина уже знает, как вышло у них. Всё выведала у мальчонки. И отец не сегодня-завтра приехать должен, Вадим Петрович. Так тот и сыплет ему, тот разговаривать не будет...

– Сыплет, сыплет, – обнадёжила её и Анна Ивановна. – Он как приезжает домой из города, так его сразу всей деревне и слышать. Серёга объявляет.

Я спрашиваю:

– А как он объявляет?

И обе они, наперебой:

– Так ведь Серёга – сразу и в рёв, да на всю деревню!

– Отец-то его наездами воспитывает, вот и всем слышно...

Я вспомнила Серёгу, как он взмахивает огромными ресницами и смотрит глупо-глупо. Как маленький. Он что, знал уже, что ему одному за всех влетит?

Поздно вечером, когда мы трое спать укладывались, мама вздохнула.

– Скоро уже домой. А завтра сидите во дворе, на улицу ни шагу.

20. Катя виновата

Назавтра нас до вечера не выпускали за ограду.

Мы нарвали в саду полное ведро малины, а потом долго варили из неё варенье. Что делать, если в деревне все с утра до вечера только и знают, что работают. И Катя, и её брат Шурик, и Лёнчик, и Серёга. И для нас занятие нашлось...

Анна Ивановна развела костёр прямо во дворе. Поставила по бокам два кирпича, а на них сверху тазик. И велела всё время помешивать, пока закипал сироп и пока в нём варилась ягода.

Но это не нужно было делать нам вдвоём, и Костя снова принялся играть с Пальмой. Он говорил, что научит её считать – и она станет лаять сколько нужно, по его сигналу.

А мне было достаточно того, что иногда я могу отойти от тазика с вареньем и обнять огромную собаку, уткнуться лицом в шерсть.

Пальма громко дышала, лизала мою ногу возле повязки. Наверно, думала, что мне всё ещё больно.

Костик говорил, что я действую на Пальму расхолаживающе. А здесь как-никак собачья школа, хотя и для одной собаки.

Анна Ивановна пугала меня:

– Гляди-ка, Пальмины блохи на тебя и перепрыгнут!

Но почему-то это мне было всё равно.

Вечером по одному стали появляться вчерашние мальчишки, заглядывать через забор. Чуть только стадо пришло и всех коров разобрали – Катя уже привела брата, чернявого Шурку. Он молчал и глядел под ноги себе. Зато Катя встала – руки по швам, вдохнула воздуха – и выпалила без остановок:

– Просим прощеньица у вас! Это одна я виновата! Шурка прошлую ночь ночевал у Михал Григорича, и я не успела сказать ему, что вы наши, липовские!

Мы с Костей переглянулись и чуть не прыснули.

Шурка спросил:

– Ну, мы пойдём? А то пора тренировку начинать...

Следующим у забора появился парень с пушистыми ресницами. Серёга Ужов. Я только кивнула Косте: мол, гляди, Серёга... А он увидел, что на него смотрят, – и от забора метнулся в куст, спрятался.

В кусте раздалось властное:

– Ну?

Серёга, сникший, снова побрёл к забору и позвал:

– Костя, Лена...

И когда мы подошли, сказал:

– Простите меня, пожалуйста, я больше никогда так не буду делать!

Мы закивали поспешно:

– Простили, простили!

Серёга вздохнул и снова ушёл за куст.

Сразу же они показались с другой стороны – должно быть, с отцом – и вместе пошли по улице. Было слышно, как Серёга канючит:

– Меня же простили! Можно я пойду на тренировку?

При этом он быстро-быстро перебирал ногами, чуть ли не бежал, чтобы успеть за высоким сутулым человеком, который молча уводил его с нашего края улицы. От Каткиного двора, от турника.

Костя закричал вдогонку:

– Мы же простили!

Но Серёгин отец его как будто и не слышал.

Лёня тоже подходил к нашему забору. Спросил у меня, как нога. Потом зачем-то стал объяснять:

– Вот, у нас здесь тренировка, у Малининых турник...

И вопросительно поглядел на Костю: мол, пойдёшь?

А Костя как будто не понимает, что его зовут. Или в самом деле не понимает?

Может, сердится ещё? У меня вчера как нога болела – я и то не сержусь.

Я Костю толкаю локтем: что, мол, стоишь? Иди тоже к Малининым – тренироваться!

Мама не рассердится, я ей скажу, что ты здесь, рядом...

А Костя стоит – и ни с места.

Лёнчик потоптался ещё, сказал:

– Ёжик солёный.

Потом спросил – почему-то у меня:

– Ну, я пойду?

Из нашего двора было видно, как чьи-нибудь ноги время от времени взлетают над Катиным забором, через улицу от нас. Это означало, что у кого-то получилось сделать такое упражнение, как Катя нам показывала: подтяжка, кувырок, а дальше – ноги-ножницы... Или какое-то ещё...

Ноги то застывали вертикально – ступнями к небу, то проскальзывали быстро, обе вместе или одна за другой.

Чаще всего это были ноги в подвязанных сандалиях. Одну сандалию держала на ноге синяя ленточка, другую – жёлтый шнурок.

Я подумала: это же Лёнчик летает над турником. Выходит, он и вторую сандалию порвал...

21. Звезда Енот

Мама вернулась радостная. Сказала – завтра последний день в хозяйстве, а потом всё, домой!

И давай нас тормошить:

– Пойдёмте, прогуляемся напоследок! Сходим в Собакино. Уж такое красивое село! А может, и искупаемся в пруду. Знаете, какой там пляж!

Мы с Костей переглянулись. Мама заметила, но поняла по-своему.

– Лена, – спрашивает, – как твоя нога? Не болит?

Я говорю:

– Болит. Но вы идите без меня, я не обижусь.

Костя ушёл с мамой, и это означало, что его никто не тронет, ни липовские, ни собакинские. Вдобавок они и Пальму взяли с собой.

А мне вовсе не хотелось в Собакино. Мне было стыдно перед этим селом, на которое мы с Костей, сами того не желая, возвели напраслину. Липовские могут теперь упрекать собакинских, что никто из них не пустил в дом нашу маму с двумя детьми, – а ведь она в их же, собакинское, хозяйство и приехала!

Хозяйка понесла в дом варенье. Я хотела помочь, она сказала:

– Сиди, отдыхай. Завтра по банкам будем разливать.

Нагнулась над тазом – маленькая такая. Крякнула, подняла таз и потащила перед собой к ступенькам.

А я осталась во дворе.

В деревне было тихо. И эта тишина была густой, уютной. Она точно обволакивала тебя, как одеяло.

В тишине иногда раздавались голоса (слов было не разобрать), или скрипела калитка, или что-то стучало: тук, тук. Должно быть, кололи топором дрова.

Хозяйка выглянула:

– Скучаешь? Иди в сад, попасись, пока ещё ягоду видать...

Я вышла в сад.

Оттуда хорошо было видно улицу. Скрипнула Катина калитка, на улицу вышел Лёнчик.

Я видела в сумерках, что у него, точно, порваны обе сандалии. Одна сильно хлопала при каждом шаге. Лёнчик присел на корточки и стал заново привязывать шнурок. Потом потопал ногой и, видно, остался доволен, что так хитро подвязал сандалию.

Он пересёк дорогу и прошёлся мимо нашего забора, медленно так. Я видела, что ему не хотелось отсюда уходить. Дошёл до куста, постоял – и двинулся мимо забора в другую сторону.

Он надеялся, что мы увидим его – и позовём.

Очень ему хотелось, чтоб его позвали. А то ведь получалось несправедливо. Человек, с которым ты столько болтал в сети, вдруг объявляется в твоей деревне. Но встреча получается какой-то дурацкой. Серёга сказал – недоразумение...

Ни разу я не чувствовала никого так остро – как будто все мысли роятся во мне самой. Костя не в счёт: Костя – мой брат.

Я стояла за забором и разглядывала Лёнчика. А он меня не видел.

Лёнчик был совсем некрасивый. Лицо от загара тёмное. Но это не тот загар, каким хвастаются в школе первого сентября. Неровный у него был загар, пятнами. И нос, и щёки, и лоб облупились – кожа везде слезала. Волосы выгорели и стали светлей лица.

Майка на Лёнчике была грязная. А на майке приколот значок – большой и круглый, целое блюдце.

На майках не носят значков. А таких значков я и вовсе не видела. На нём был какой-то пушистый зверёк. Вроде из мультфильма. А на лбу у зверька горела звезда.

Я сразу вспомнила: «Месяц под косой блестит, а во лбу звезда горит».

И мне стало смешно. Царевна-животное, не пойми какое. В тишине я фыркнула, не сдержавшись.

Лёнчик вздрогнул и тут заметил меня.

Я у него спросила:

– Что это за значок?

И он так обрадовался, что с ним заговорили!

– Это, – отвечает, – звезда-енот. Процион.

Я не поняла:

– Как это: звезда – и енот?

Лёнчик говорит:

– Енот по-научному тоже процион. Вроде – недособака. И Процион – он ведь по небу перед собачьей звездой, перед Сириусом идёт. Процион вышел – значит, и Сириус следом будет...

– Кто – будет? – я путалась в новых названиях. – Как ты говоришь – собачья звезда?

Лёнчик смутился:

– Ну, Сириус – он из созвездия Большого Пса. А Процион – из Малого Пса. Вот тебе и собаки...

Он отцепил значок от майки.

– Смотри, – говорит, – он самодельный. Это мне Андрей Олегович дал. У них в институте было научное общество «Процион», и они звали друг друга енотами!

– А почему, – спрашиваю, – енот – это недособака?

Лёнчик мнётся в ответ:

– Это не я, это наши предки придумали...

Он думал, что я не верю ему.

– Я бы тебе показал Процион, – говорит, – только его сейчас нет на небе. Он зимний...

Я спрашиваю:

– А что есть?

Лёнчик отвечает, точно оправдываясь:

– Вега есть... Лебедь есть... такое созвездие.

Я перелезла через забор, и мы пошли смотреть Лебедя.

22. Рисунки в небе

Через пару минут мы были за деревней. Лёнчик потянул меня за какой-то дом, а дальше мы пробежали между чьих-то грядок, перемахнули через забор и вот уже поднимаемся на холм.

Идти было легко. Земля как будто пружинила под ногами, подталкивая вверх.

Костя вчера мне объяснял, что у нас рельеф особенный – холмы.

В городе это не очень заметно. Я даже не знала, что у нас какой-то там рельеф. А теперь думала, что где-то есть гладкие, как стол, равнины, где-то – крутые горы, а здесь у нас – холмы.

Наши места отличаются от других мест. И отчего-то мне было хорошо, что у нас есть холмы и мы ими отличаемся.

Быстро темнело. Смотришь на небо – только что не было звезды, и вот она уже есть. Глядишь на неё, любишься – а тут и другие проявляются в темноте; не знаешь, на которую смотреть.

И на нас, мне казалось, тоже кто-то смотрит.

Я чувствовала, что мы не одни.

То ли из космоса кто-то на нас глядел в свои приборы. То ли само небо смотрело всеми своими звёздами.

В древности люди думали, что звёзды на небе нарисованы. Точнее, они говорили: «на небесном своде». А свод – это же, получается, купол? Вроде как закруглённый потолок?

Но небо над нами не казалось потолком. Оно было глубоким, объёмным. Над головой стояла бесконечная перевернутая глубина, и ясно было, что от одной звезды к другой, соседней, ещё лететь и лететь – дальше, выше...

Лебедем оказалось сразу несколько звёзд. Только стемнело – они сразу проявились, и я смогла их рассмотреть. Их можно было соединить прямыми линиями так, чтобы в небе получился крест. Лёнчик сказал, что это туловище и раскинутые крылья. Совсем не трудно добавить ещё линий, чтобы получился лебедь.

Древние люди были мастера проводить хитрые линии. Это же надо было додуматься, что у Большого и у Малого Ковша есть головы, туловища и лапы. Кто-то первым назвал их Медведицами... И все с ним согласились...

Лёнчик научил меня по двум Медведицам находить Полярную звезду. А как искать разные другие звёзды, я не запомнила, хотя он тоже объяснял.

Звёзд было бессчётное число. Все вместе они тихо звенели. Хотя, должно быть, это звенела какая-то мелкая ночная живность. Наши земные насекомые пели свою песню.

Лёнчик тыкал в вышину пальцем и говорил, сколько до какой звёзды световых лет и сколько это будет в пересчёте на земные километры. Он называл звёзды по именам – Денеб, Альтаир и ещё много-много названий. У меня голова кругом шла. Я снимала очки, протирала подолом платья, чтобы лучше разглядеть, куда он показывает.

С ума сойти, сколько он всего знал. Сама я только и могла бы сказать, что платье в невестомости не наденешь. А косички стояли бы, как антенны. Да и то это не я первая сказала, это мама...

«Ой, мама!» – подумала я.

– Мама с Костиком, – говорю, – уже, наверно, вернулись. А меня нет!

И мы побежали назад в деревню.

23. Обида

Мама у калитки меня ждала, в темноте.

– Это, – говорит, – что-то новое.

Я не поняла: где – новое? Что?

А мама сразу спрашивает:

– Что же ты не сказала, что хочешь пойти с мальчиком гулять?

А у самой слёзы из глаз.

– Ленка, – говорит, – ты же ещё маленькая девчонка! А уже обманывать умеешь.

Я вконец растерялась:

– Как – обманывать?

Мама в ответ:

– В деревне разве скроешься? Мы с Костей шли по улице – нам человек пять сказали: «Ваша Лена с Лёнчиком в луга пошла!» Что, думаю, за ерунда? Дома Ленка, сейчас я её увижу! Кинулась я во двор, в сад – нет тебя. И Анне Ивановне ничего ты не сказала, молча ушла... С тем Лёнчиком, который бил вас вчера с друзьями... Нога у тебя, мол, ещё болит после вчерашнего.

Мама схватила меня за плечи:

– Слушай, ну зачем ты сказала, что нога болит? У меня душа не на месте. Думаю: мало ли что эта тётя Света говорит, а в городе обязательно надо будет к хирургу записаться, рентген сделать. А ты обманула меня! Значит, понимаешь, что гулять с этим мальчиком не нужно? Что я не пустила бы тебя, если бы ты сказала правду... Он же вчера приходил – я и не позвала вас. Иди, говорю, к своим товарищам. А от Кости с Леночкой что тебе нужно, спят они уже...

Костя вскидывается:

– Когда он заходил?

Мама в ответ:

– Да вчера, поздно. Я перед сном вышла на двор – а он стоит у забора. Вас спрашивает. Я ему говорю: а ты сам-то кто будешь? А он: я, мол, Лёня Светиков. И нос утирает кулаком. Гляжу на него – грязный, нечёсанный...

И не позвала нас! А мы ведь ещё не спали... Даже не сказала ничего. Пришла со двора – и обниматься с нами. Ах, детки, ах, скоро уже домой...

Костя говорит:

– Мама, ведь это Макар! Ты же сама говорила, что познакомиться с ним хочешь...

А мама в ответ:

– Что за ерунда! Он мне сказал – Лёня Светиков.

И шумно вздыхает:

– Сплошное враньё... Это правда тот Макар... из компьютера?

– Правда, – оба киваем.

Мама говорит, точно оправдываясь:

– А сам и не Макар он оказался, и не товарищ вам. Ещё не известно, что там за семья...

Отца нет, а мама... Какая там мама?

Я вспомнила женщину-гору в магазине и отвечаю:

– Нормальная там мама.

А наша мама отмахивается и опять про Лёню начинает:

– Подумать только – ведь про космос что-то такое рассказывал! Мы с папой думаем: какой мальчик хороший! Вот бы Косте, мол, встретиться с таким мальчиком. А они тут дерутся стенка на стенку, с другой деревней. И вам заодно досталось...

Мама мотает головой. Всё, она теперь снова уверена, что нам с Лёней дружить нельзя.

– Не надо вам, – говорит, – таких друзей.

И на меня кивает:

– А эта красotka с ним гулять пошла. Я-то думала, ну ладно у меня сын разгильдяй, а дочка – моя радость, с дочкой никаких проблем я знать не буду. Думала, мы с тобой подружки будем...

И в её голосе я слёзы слышу.

Прошу:

– Мам, послушай меня...

Но мама не хочет меня слушать.

Она говорит:

– Ты так меня обидела, дочка! Я так люблю с вами гулять. И это так редко бывает... Мне хотелось, чтобы и ты, и Костя вместе пошли... Не думала я, что ты можешь так меня обидеть.

24. Кто такой нерд?

Я долго плакала, накрывшись подушкой, и не могла уснуть.

Назавтра проснулась поздно. Окно было раскрыто настежь, и совсем рядом галдели птицы кто во что горазд. И цыплят слышно было, и кур, и воробьёв.

Мама давно ушла в Собакино. Анна Ивановна с Костей успели разлить варенье по банкам. Четыре банки стояли в ряд.

Костя сказал:

– Из-за тебя, Ленка, мама опять велела сидеть в этой оgrade!

Но для меня главное было – что мама сердится на меня. И всё остальное было безразлично. В оgrade так в оgrade. Я только жалела, что Костя из-за меня тоже наказан. Мама бы нипочём не разрешила, чтобы мы гуляли поодиночке. Вдруг кто-то ещё надумает Костю поколотить? Мало ли что кроме Лёни и Шурки с Серёгой мальчишек здесь нет – крошка Макар не считается... А они трое сейчас работают.

Но нашей маме, когда она сердится, ничего не докажешь.

Мы стали думать, чем бы заняться во дворе. Тут вышла Анна Ивановна, сказала:

– Пойдёмте, я вам что-то покажу.

И повела нас в сад.

Я думала: что она нам покажет?

А она показала нам грядку и велела повыдёргивать из неё все сорняки.

– Да смотрите, – говорит, – не перепутайте с перцами! Сейчас я вам покажу, как различать...

Различать было легко. Листья у сорняков и у перцев совсем разные. Костя только два раза ошибся, а я ни разу. Мне кажется, ему просто скучно было разглядывать, где какие листья. И оттого что ему было очень скучно, я ещё больше виноватой себя чувствовала.

В утешение Косте я сказала:

– Ничего, скоро уже вернёмся в город!

Костя ответил неохотно:

– И что?

– Как – что? – спрашиваю. – Будешь сколько хочешь играть в тазоголовых. И ещё в разные игры!

Костя плечами пожимает.

– А с кем играть? Макара больше нет, вместо него Лёнчик этот, спортсмен. А Миша и Ли Джин оба написали мне, что я какой-то нерд.

– Кто, нерв? – переспрашиваю.

Костя говорит:

– Нерд. Или нёрд. Я точно не знаю, как читается. В общем, это такой человек... Зануда, что ли... Которому только бы учиться, ну и скучно с ним. Представь, они оба, не сговариваясь, мне это написали.

Я спрашиваю:

– А Ретт? Он же не думает, что ты зануда?

Костя говорит:

– Так он уже старый. Что, забыла?

Я удивилась:

– Ну и что? Если б не Грандсон, так ты бы ещё сто лет не догадался, что он старый!

Костя отмахивается:

– Так ведь Грандсон у него... И ему стало не до меня.

Да он ревнует, вот в чём дело!

Я хотела сказать, что этот Грандсон скоро уедет – снова в колледж. Или уже уехал. Так что Ретт никуда не денется – вспомнит друзей в Сети. И что ещё же Хью остаётся... Хотя, может быть, он вовсе не Хью. И не из Лондона, а, например, из Ливерпуля. Но нам-то какая разница...

Но тут Костя в третий раз выдернул аккуратное растение с широкими ровными листьями, и я сказала:

– Эй, ты хоть смотри, что дёргаешь.

А Костя тогда поглядел на меня, подумал и говорит:

– Ленка, а ты что, влюбилась в Лёничика?

– Кто, я? – спрашиваю.

А он кивает:

– Ну да.

Тут я растерялась вконец. Любовь – это когда вот так?

Нет же!

В классе девочки иногда рассказывают мне свои секреты. И почти всегда секрет в том, что в кого-то кто-нибудь влюбился.

Девочки влюбляются в одноклассников – чаще всего в Мухина или в Симагина – или ещё в артистов.

А одна девочка, не скажу кто, влюбилась в портрет, который висит у окна в кабинете биологии.

Таблички на портрете нет. Какой-нибудь биолог из позапрошлого или позапозапрошлого века. Мы не проходили его ещё, а спросить, кто это, она стесняется...

На биологии моя одноклассница любит лицо с портрета и представляет, как она с вот этим длинноволосым человеком едет в старинном экипаже по старинной улице на приём к английской королеве.

Она сама рассказывала мне по секрету.

И я привыкла, что любовь – это секрет. Разве о ней можно вот так, прямо, спрашивать?

Я говорю Косте:

– Да ты в самом деле нерд!

А если бы это не надо было держать в секрете, я бы, конечно, рассказала, как мы с Лёничком ходили на холмы и до чего же там красиво ночью.

И уж конечно, про то, что Прочион – это звезда-енот и что Лёничик может стать космонавтом, вполне. И кто бы спросил, отчего я так рада этому? Не я ведь сама смогу полететь в космос! И не Костя даже...

Когда я думала о Лёничке, радость переполняла меня. Даже моя вина перед мамой не могла заслонить эту радость.

А Косте совсем не радостно было. Наоборот, я таким мрачным его раньше не видела. Он говорит:

– Я что-то про Юрова вспомнил. Про Тощего.

Тощего-то, думаю, с чего было вспоминать? Хотя когда делаешь всё время одно и то же: обхватил пальцами сорняк, вытянул его из земли, кинул, обхватил, вытянул, кинул – то тебе что только не вспомнится. Да иной раз так остро, будто снова всё переживаешь.

Костя вздыхает:

– Знала бы ты, как я жалел, что стал заступаться за него.

– Ещё бы, – отвечаю. – Тебе же наподдали в тот раз, очки сломали...

А Костя:

– Я не про то. Я раньше думал: было бы за кого заступаться. Ладно ещё кто-нибудь, тогда не страшно, если и побьют. А то ведь – наш Юров.

– Да, помню, – говорю, – как он за тобой ходил. «Если ты друг, ты должен, должен...»
Без конца.

Костя поморщился.

– Ну да. А теперь я представил, каково ему было – против всех. Он, может, потому таким и стал.

– Почему – потому? – не понимаю я.

А Костя:

– Я подумал... У него, может, раньше друзей не было, ни разу. С детского сада. Вот он и решил надружиться со мной за всё это время. И чтобы за него заступались, заступались...

Что, думаю, Косте уже нравится Юров? В городе не нравился, а теперь он готов с ним дружить? Да лучше бы он с Лёней подружился! Он же мечтал встретиться с ним! Какая разница, как его зовут на самом деле? В любом случае вечером он здесь появится. Во дворе напротив – у них же тренировка...

Только бы не уехали мы отсюда слишком рано...

Я говорю:

– Тебе всегда чего-то не хватает. Теперь к Юрову, в город хочешь! А Лёничик тебя вчера звал тренироваться – ты не пошёл...

А Костя:

– Я и говорю – влюбилась ты в этого Лёничика!

25. Любовь

Вот и поговори с нердом. Или с нёрдом.

Тем более Анна Ивановна вышла в огород.

Она мельком глянула на нас, сказала каким-то своим мыслям «угу» – и принялась полоть соседнюю грядку.

Дело у неё двигалось быстро. Гораздо быстрее, чем у нас. Ей не надо было смотреть, что дёргаешь. Пальцы находили сорную траву сами, без помощи глаз. Точно её руки живут сами по себе.

Тут я подумала, что руки у неё, как ни посмотришь, всегда грязные. Вымоет их иногда – например, чтобы на стол накрыть, – а после обеда бегом снова пачкать в земле.

Наверно, так будет, пока на землю не ляжет снег. Снег белый, руки от него не грязные...

Я спросила:

– Анна Ивановна, а что вы станете делать зимой?

Думала, она ответит:

– Зимой я читаю книжки. Вышиваю салфетки. Выпиливаю лобзиком.

Но она сказала:

– Это ты угадала. Скучно зимой в деревне.

И стала жаловаться на своих внуков, что они ни разу не приезжали на зимние каникулы. А ведь какие горки у них здесь и какой чистый снег...

А после сказала, что их и летом к себе не дозовёшься. Вот мы, спасибо, приехали.

Так и сказала – спасибо.

Когда мы сели обедать, залаяла Пальма. Анна Ивановна выскочила во двор, а после вернулась и говорит:

– Ленка, выйди давай. Только смотри – недолго. Я мамке обещала, что не пушу к Лёнчику, если придёт он...

Лёнчик топтался у забора. Я подошла – он достал из кармана что-то белое, смятое. Ворох искусственных блестящих кружев. И этот ворох в его руках распался надвое и оказался бантами, какие бывают у первоклассниц. Теми бантами, про которые его мама говорила, что их никто не купит. И их засидят мухи.

– Это тебе на память, – сказал Лёнчик.

И больше он не знал, что говорить. И я не знала.

Мы постояли ещё, потом я спрашиваю:

– Ну, я пойду? А то мне велели, чтоб недолго...

Он протянул руку и схватил меня за край футболки. И, запинаясь, стал говорить, что если бы он стал играть в тазоголовых под своим именем, то мы бы смогли сразу его найти.

– Нет, правда, – доказывает. – Вам любой в деревне сказал бы, где живёт Лёня Светиков.

Я плечами пожала. Это же здорово, когда можешь назваться, как захочешь! А он стоял и оправдывался.

– Я ведь однажды чуть не рассказал... Мало ли, ведь друзья. Думаю: возьму вот и скажу – давай уже, мол, настоящими именами друг друга называть!

– Вот и сказал бы! – отвечаю.

А Лёнчик:

– Я подумал, а вдруг он спросит, отчего я сперва Макаром-то назвался. Как объяснишь? А после ещё он говорит: «Ты, Макарон!» И меня тут обида взяла. Это отец, что ли, Макароном был?

Тут он вздыхает:

– Я не знал, кем записаться в игре, и у меня само получилось. Я первое время думал, как же странно – что отца теперь нет. Велосипед разобранный остался, мы вместе разбирали... Я его собрал, потом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.